

[Polaris]

Джон Филмор Шерри

ФОСФОР

Затерянные миры
Том V

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

XXV

Salamandra P.V.V.

Джон Филмор Шерри

ФОСФОР

Затерянные миры

Том V

Salamandra P.V.V.

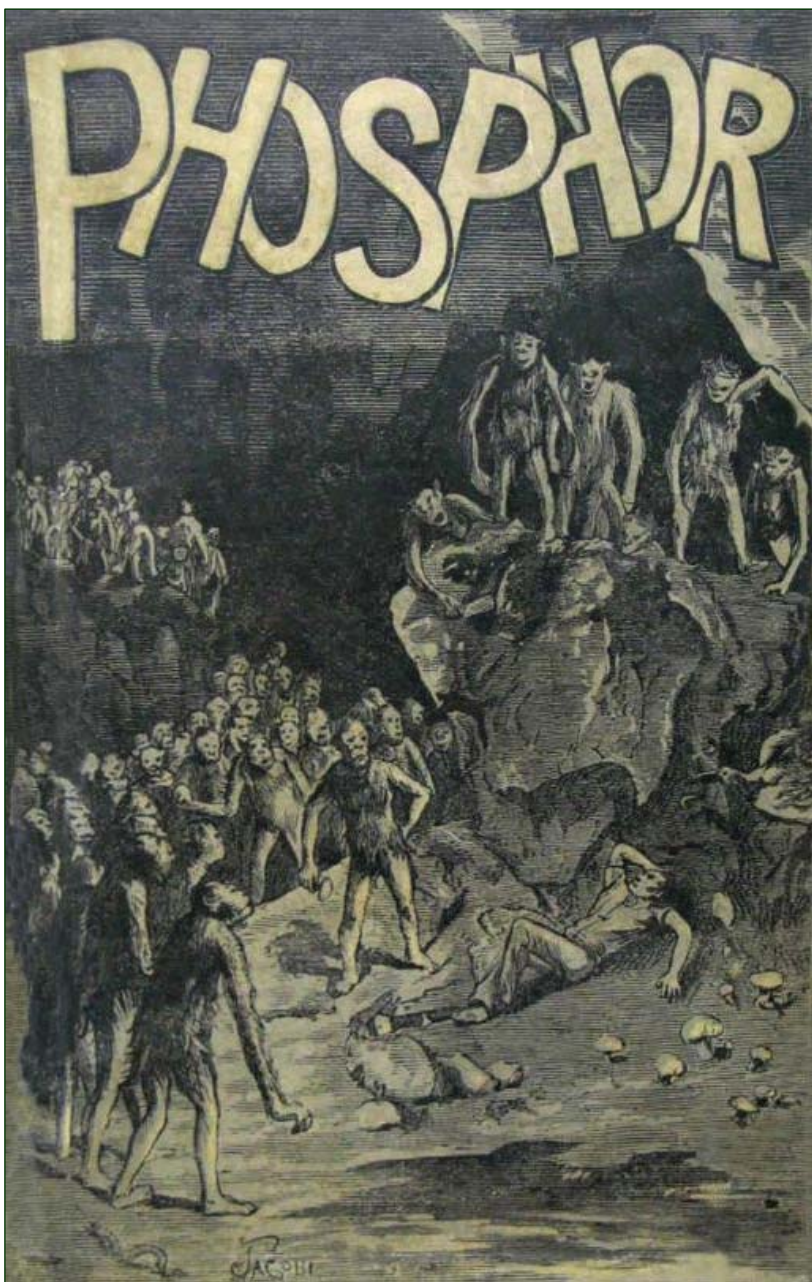
Шерри Д. Ф.

Фосфор: Таинственное приключение на Искии (Затерянные миры, т. V). Пер. с англ. М. Фоменко. – Б.м.: Salamandra P.V.V., 2014. – 90 с., илл. – (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. XXV).

Фантастический роман рано умершего австралийского писателя Джона Филмора Шерри «Фосфор», написанный почти 130 лет назад, известен как «самая странная книга Австралии».

Это – декадентская история молодого ученого и путешественника, который был похоронен заживо и очутился в подземном мире доисторических животных, светящихся полулюдей и их загадочной белой королевы.

«Фосфор», соединивший фантастику с древними мифами, продолжает в серии «Polaris» ряд публикаций произведений, относящихся к жанру «затерянных миров» – старому и вечно новому жанру фантастической и приключенческой литературы.

ФОСФОР

Таинственное приключение
на Искии

АВТОР ПОСВЯЩАЕТ ЭТУ КНИГУ
СВОЕЙ МАТЕРИ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Однажды вечером, месяца три тому – на карточной вечеринке, устроенной моим приятелем из богемы – я познакомился с человеком, который необъяснимо меня заинтриговал. Невольно мы потянулись друг к другу и, прощаясь, обменялись адресами; он пообещал на следующий же вечер зайти ко мне в гостиницу.

Свое обещание он сдержал. Мы сидели, курили и болтали до глубокой ночи.

Иногда посреди фразы он впадал в задумчивость, затем с очевидным усилием возвращался к действительности и продолжал с того же места. Больше никаких странностей я в нем не заметил.

В разговоре он между прочим упомянул, что ему не так давно исполнилось тридцать лет. Слова его вызвали у меня некоторые сомнения: выглядел он по меньшей мере лет на сорок. На вид он явно казался больным, и я заметил, что ему следовало бы обратить внимание на свое здоровье.

Он рассмеялся и сказал, что страдает чахоткой, добавив, что несколько лишних недель жизни вряд ли стоят всех удовольствий, каких он лишится, если начнет заботиться о телесном благополучии.

После того вечера мы постоянно виделись, но как-то я зашел к нему и услышал, что он уехал. В конце недели я получил от него письмо: он приглашал меня в Квинсклиф и писал, что очень хотел бы со мной повидаться.

Я поехал – и нашел его совсем разбитым болезнью. Он сказал, что жить ему осталось несколько дней. Я принялся настаивать на консультации врача.

Желая избежать расследования*, он согласился. Доктор подтвердил его прогноз и прибавил, что он может умереть в любую минуту.

Он спокойно выслушал это известие и сказал, что ни о чем не жалеет.

Через неделю после моего приезда он скончался; за день до того он вручил мне пакет с бумагами, указав, что мне следует прочитать их после его смерти.

Он заверил меня, что все изложенное в его записках является совершеннейшей правдой и случилось с ним самим. Он также разрешил мне опубликовать их, если я пожелаю. Он сообщил мне адрес своего поверенного и просил отправить по этому адресу его завещание и некоторые другие бумаги. Умер он в прошлом июле, 28-го числа. Его предсмертную волю я исполнил.

Прочитав бумаги, которые он вручил мне, я решил опубликовать его записки. Если рассказанное в них истинно, его история чудесна.

Он показал мне клочок волос, о котором говорится на следующих ниже страницах, но отказался дать его мне.

Более он ничем не мог подтвердить правдивость своих записок. С другой стороны, он считал, что все это, быть может, привиделось ему в приступе горячки, вызванном соединенным действием змеиного укуса и землетрясения. Я не стану высказывать собственное мнение и предоставляю всем читающим его историю право самостоятельно сделать выводы о прочитанном. Привожу ее дословно – так, как она изложена в его бумагах.

* Т. е. коронерского расследования причин смерти (*Здесь и далее прим. ред.*).

Глава I

Когда мир прочтет эти строки, меня, вероятней всего, сочтут безумцем, однако в этом случае, как и во многих других, мир наш лишь повторит прежние ошибки.

Не стоило бы удивления, если после пережитого я сошел бы с ума; тем не менее, никогда еще, мне кажется, рассудок мой не был так ясен, как сейчас.

Когда людям представляется случай (как обычно и бывает) сказать о мужчине или о женщине что-либо хорошее или плохое, они избирают, как правило, последнее, в чем я никого не могу попрекнуть; ибо в целом в мужчинах и женщинах (они не исключение) много больше недостойного (по счастью, невидимого или утаенного), нежели доброго, каковое находится на поверхности и выставляется напоказ взорам всего света, и всякий, будь то мужчина или женщина, хорошо зная, что и сколько скрывает в душе, спешит судить других по себе.

Меня же, однако, мнение света ничуть не беспокоит; по правде сказать, когда эти строки будут опубликованы, сам я, по-видимому, давно буду там, где чужие суждения никак меня не затронут; если же в это время я еще буду жив, те из немногочисленных моих знакомых, что случайно заподозрят во мне автора, либо поверят мне, либо же — я навсегда утрачу ту толику дружбы, что они ко мне питают.

Но и это не имеет никакого значения: среди живущих нет ни единой души, к какой я испытывал бы малейшую любовь или проблеск интереса. Свое настоящее имя я не открою: двусмысленная известность мне претит, и я не хотел бы, чтобы люди на улицах ис-

коса разглядывали меня, как какое-нибудь диковинное создание природы.

Мужчины считают меня мрачным и замкнутым; к женщинам я безразличен, к мнению их равнодушен едва ли не более, чем к мужскому. Знакомые мои не знают ничего о моем прошлом; поэтому я могу смело поведать некоторые существенные подробности о своей семье и ранних годах жизни.

Моя мать была англичанкой, но выросла в Италии (стране тысячи воспоминаний) и до встречи с отцом по большей части жила в Неаполе; он, также англичанин, повстречался с нею в этом городе, где оказался проездом. Он задержался в Неаполе, женился на ней и увез ее с собою в Англию. Я был их единственным ребенком и родился 28 июля 1856 года на Квинс-роуд в Пекхэме, близ Лондона.

Отец мой был биржевым дельцом и сколотил немалое состояние; успех вскружил ему голову, и он вложил весь свой капитал в предприятие, затеянное его ближайшим другом, надеясь уйти на покой миллионером.

Друг тот оказался мошенником, и в одно злосчастное утро отец проснулся в полном разорении. Этого удара он не вынес.

Вечером он, как было заведено, пожелал матери доброй ночи и удалился в свой кабинет.

Утром слуга постучался к нему в комнату, но отец не ответил; слуга бросился к матери, та встала, охваченная ужасными предчувствиями, и поспешила в библиотеку. Дверь была заперта. Они стали стучать – ответа не слышали – и сломали дверь: здесь, в кресле у стола, они увидели тленные останки моего отца.

Он оставил матери письмо, где признавался, что потерял все и, будучи в преклонных годах, не питает

надежд вернуть свое состояние, а потому лучшим выходом считает самоубийство.

Он призывал Божьи кары на голову негодяя, повинного в его несчастьях и в конце письма просил у матери прощения за то, что вынужден ее покинуть.

Я опущу детали расследования и скажу только, что причиной смерти было названо самоубийство с помощью синильной кислоты. Некоторое время мать тяжело болела; когда она оправилась, мы перебрались в Кент и сняли хорошенький коттедж.

О! прекрасная земля – как скучаю я по мирным дням среди твоих лесов и зеленых полей!

Уладив дела, мать обнаружила, что ее доход составляет всего пять сотен в год, которые, к счастью, были ей выделены при вступлении в брак.

Она не могла заставить себя со мною расстаться и вместо того, чтобы отправить меня в школу, наняла учителя. Видя мою страсть к знаниям, он постарался обучить меня всему, что знал сам; был он человеком чрезвычайного ума, и я многое почерпнул благодаря знакомству с ним.

Друзей из сверстников у меня не было, заняться было больше нечем, и часы, проведенные с наставником, я считал самым приятным временем дня. Жизнь ему выпала несчастливая. В студенческие годы он потерял родителей; не имея достаточно средств, он не сумел продержаться до экзаменов и был принужден оставить университет и зарабатывать на жизнь частными уроками.

Он продолжал, однако, лелеять надежду, что когда-нибудь станет дипломированным врачом.

Он не переставал говорить на эту тему и посеял во мне желание избрать медицинскую стезю. Я без труда стал вступительные экзамены и, после долгих уговоров, получил согласие матери и отправился в Эдин-

бург. Здесь, за исключением редких визитов в Кент, я провел четыре года и по окончании учебы обрел право добавить к своему имени буквы Б. М., бакалавр медицины.

Следующие два года я проработал в лучших лабораториях континента. Результаты своих исследований в области токсикологии я включил в диссертацию, которая принесла мне буквы Д. М. – доктор медицины – особое поощрение и золотую медаль.

Затем я вернулся к матери, в Кент. Я открыл практику и – влюбился.

Предметом моих воздыханий стала одна из первых пациенток. Первая же наша встреча произошла в романтической обстановке. Гуляя как-то по лесу у дома, я услышал женский голос, звавший на помощь; я бросился на голос и увидел прелестную девушку – она сидела на берегу ручья, поросшем зеленым мхом, и попеременно то плакала, то молила о спасении. Я спросил, могу ли чем-либо ей помочь. Она отвечала, что была с друзьями на пикнике, отошла от остальных и потерялась; потянулась за орехами, наступила на сук и, видимо, вывихнула ногу, так как теперь малейшее движение причиняло ей невыносимую боль. Все это, перемежая всхлипываниями, она изложила самым милым образом.

Я предложил ей свои услуги, сказав, что являюсь врачом и могу забинтовать поврежденную лодыжку.

Она недоуменно взглянула на меня; я выглядел таким юным, что показался ей, без сомнения, похожим скорее на школьника, чем на солидного медика.

Заметив, что она колеблется, я поспешил заверить: – Я доктор Мортон и живу в Ситтингборне.

Глядя на меня сквозь слезы, делавшие ее еще очаровательнее, она сказала:

– Ах! так это вы – доктор Мортон? Я думала, он гораздо старше.

Затем она спохватилась и с положительно неотразимым видом гордо произнесла:

– Прощу прощения! не подумайте, что я дурно воспитана, но я... я...

Невыносимая боль заставила ее прервать светскую беседу, и она снова разрыдалась. Без дальнейшего промедления я достал перочинный нож и, опустившись на колени, распорол ее французский ботиночек и чулок.

Лодыжка успела сильно распухнуть; попросив девушку дать мне несколько минут, я побежал к ручью, который был, по счастью, совсем рядом, намочил в воде свой платок и торопливо вернулся к страдальце.

Я со всей осторожностью обернул платок вокруг ее ноги (о, драгоценная маленькая ножка); но, хотя я едва прикасался к больному месту, она то и дело поневоле вскрикивала от боли. Закончив, я спросил, в какой стороне могут быть ее друзья, но этого она не знала.

Я несколько раз крикнул – и не дождался ответа.

Что делать? Нужно было немедленно что-то предпринять: ногу девушки требовалось забинтовать как можно скорее.

Я был в лесу, наедине с восхитительной красавицей. Положение довольно щекотливое, хотя в то мгновение я не променял бы его ни на что на свете.

– Могу только предложить вам, – сказал я, – подождать здесь, а я тем временем сбегая в ближайшую деревню за каким-либо экипажем или повозкой, чтобы отвезти вас домой. Где вы живете?

Она подняла на меня жалобный взгляд.

– Я живу в Ситтингборне, у миссис Мэвис. Ах! прошу вас, не уходите: обо мне станут беспокоиться. Что мне делать?

– Ну что ж, раз вы не позволяете мне уйти, придется взять вас с собой; тяжесть небольшая, мне кажется.

– Вы сумеете меня донести? До дома не меньше мили...

Вместо ответа я наклонился, осторожно взял ее на руки, стараясь не причинить ей боль, и побрел через лес.

Глава II

В силах ли я рассказать о ней? Возможно ли описать словами волшебную прелесть ее облика? Дорогая моя, способно ли перо воздать тебе должное? Нет! тысячу раз нет!

Слова мои могут передать лишь видимость тебя. Не одни лишь черты лица или формы – в тебе было нечто неподвластное слову, присущее одной тебе.

Ты была собою, и этого мне было достаточно. Никто не мог затмить тебя в моих глазах.

Твои слезы были очаровательней улыбки любой женщины. Твоя улыбка словно возносила меня к Божеству, и голова моя кружилась от счастья.

Как благословлял я тот пикник! Лес, что поманил ее к себе и заставил отойти от друзей, орехи, что привлекли ее – и больше всего сук, на который она так неловко наступила, подвернув ногу! Можете считать меня последним эгоистом.

Я всегда был таким. Я забыл о ее страданиях и видел в них лишь средство завоевать ее руку и сердце.

Да! Прошло всего три четверти часа, и я влюбился по уши, хотя еще час назад не поверил бы, что со мною может такое приключиться.

Я глядел на нее – лежащую у меня на руках.

Какая восхитительная картина! Глаза ее были закрыты, тень от темных ресниц легла на щеки.

Чуть разомкнутые губы открывали моему восторженному взору два ряда маленьких жемчужных зубов; ее темно-золотистые волосы развились и частью скрывали розовую щечку; под муслином и кружевами платья нежно вздымалась грудь.

Ее наморщенный лоб и изредка подергивающиеся уголки рта подсказывали мне, что она продолжает испытывать боль; немногим выпадало увидеть столь прекрасное зрелище! Как мечтал я нести ее все пять миль, не милю!

Она открыла глаза.

— Я не назвала вам своего имени.

Я готов был рассмеяться. Какая мне разница, как ее зовут?

О Господи! что она произнесла?

— Меня зовут Эдит Гаррен.

Ее слова впились в мое сознание раскаленным железом.

Голова пошла кругом, я споткнулся.

Она вскрикнула от боли, затем продолжала:

— Я единственная дочь майора Гаррена.

Я взял себя в руки, с трудом подавив бурю чувств.

— Эдит Гаррен! Майор Гаррен!

— Сейчас я живу у миссис Мэвис, так как отец уехал в Америку.

О небеса! неужели это было предначертано? Я, Дэвид Мортон, полюбил и держал в объятиях дочь человека, уничтожившего моего отца. Я поклялся завладеть ее рукою и сердцем!

Не знаю, как прошел я остаток пути. Я пришел в себя у ворот дома миссис Мэвис.

Все уже возвратились и, завидев нас, поспешили к воротам. Не найдя девушку в лесу, друзья решили, что она, должно быть, отправилась домой.

Вернувшись, они узнали, что домой она не приходила, очень встревожились и собрались было снова идти в лес на поиски.

Наше появление, конечно, развеяло их страхи — по крайней мере в том, что касалось ее исчезновения.

Я внес девушку в дом, как следует забинтовал ее ножку и был вознагражден благодарностями хозяйки и приглашением остаться на обед, от которого я отказался. Я ушел, обещав вернуться поутру и проверить состояние больной.

По возвращении домой я едва успел переодеться к обеду и потому решил, что расскажу матери о случившемся позднее.

За обедом я спорил сам с собой – и пытался убедить себя, что мисс Гаррен мне безразлична.

Но чем больше я размышлял, тем яснее мне становилось, что никакую другую женщину я никогда не сумею полюбить. Я понимал, что не имеет смысла рассказывать матери о происшествии, если я не могу поведать все; зная, как сильно могут ранить ее мои слова, я решил пока молчать.

Всю ночь я ворочался, не в силах заснуть, и еще до рассвета встал, оделся и вышел из дома.

Какая-то сила словно вела меня к месту вчерашнего приключения. Я закурил сигару и направился к лесу.

Очутившись в лесу, я продолжал идти, сам не зная, в каком направлении двигаюсь. Когда на востоке зааляли первые лучи солнца, я увидел, что нахожусь у ручья, в воды которого я погрузил свой платок прошлым вечером; я понимал, что полянка, где я нашел Эдит (к собственному удивлению, я мысленно назвал ее по имени), должна быть где-то неподалеку и отправился на поиски.

Я зашагал вдоль ручья и вскоре дошел до места, где намочил платок; затем я пошел по своим следам и легко нашел полянку.

Первым мне бросился в глаза башмачок, что я срезал накануне с ее ножки; рядом лежал листок бумаги. Я поднял его и развернул. Это было письмо от майора

Гаррена, адресованное Эдит и начинавшееся словами «Мое дорогое дитя».

По множеству ласкательных имен нетрудно было догадаться, что он души не чаял в дочери.

В конце он писал, что через несколько месяцев рассчитывает вернуться в Англию. Далее шел постскриптум, гласивший: «Не встречался ли тебе доктор Мортон? Я слышал, что в Кенте такой практикует».

Я сел у берега и глубоко задумался. Внезапно меня осенила мысль: «Возможна ли месть страшнее, чем лишить этого человека единственной дочери?»

Я возвратился домой.

После завтрака я нанес визит своей пациентке. По прибытии меня тепло встретила миссис Мэвис; она провела меня в гостиную, где на диване лежала Эдит.

Мне показалось, что девушка обрадовалась; она вся залилась краской, благодаря меня за спасение и даже не зная, какое наслаждение доставила мне эта услуга.

Опухоль на лодыжке не уменьшилась, чем я втайне был даже доволен, так как нашел предлог некоторое время навещать больную.

В разговоре Эдит заметила:

– Мне кажется, папа знал вашего отца, доктор Мортон. В последнем письме он спрашивал, не встречалась ли я с вами.

– Вполне может быть, – ответил я. – Смутно припоминаю, что он бывал у нас, когда мы жили в Пекхэме.

Мне предложили остаться на ланч. Я принял приглашение и держался со всей любезностью.

День за днем продолжались мои визиты, но наконец всякая нужда в постоянных посещениях отпала – Эдит совершенно выздоровела.

Прошло около двух месяцев, я сделал ей предложение и она согласилась стать моей женой.

Нужно было сообщить об этом матери, которая ничего не знала об Эдит.

Мать была поражена и сперва отказывалась поверить, что я обручился с дочерью убийцы своего отца, как она настойчиво именовала майора.

Но после встречи с Эдит и моих объяснений, заключавшихся в том, что нельзя представить большее наказание для Гаррена, нежели брак его дочери с сыном человека, доведенного до смерти его предательством, она разделила мою точку зрения.

Эдит написала отцу, сообщив ему о нашей помолвке.

Однако я твердо решил, что ничто не заставит меня отказаться от намеченной цели, и подкупил одного из слуг; тот принес мне ее письмо – ведь я понимал, что майор, узнав о нашей помолвке, прибудет с ближайшим пароходом и я навсегда потеряю Эдит.

Я был готов сделать все, что было в моих силах, чтобы этого не допустить.

Мы спешили со свадьбой и вступили в брак через четыре месяца после помолвки. Медовый месяц мы провели в Лондоне, где оставались три недели.

Эти три недели стали ярким оазисом в горестной пустыне жизни.

Мы вернулись в Кент и поселились в доме моей матери.

Эдит написала в Америку; в письме она рассказывала отцу о нашем браке и выражала надежду в скором будущем его увидеть. Я не думал, что он приедет – и я оказался прав.

Мы с нетерпением ждали, но ответа так и не последовало.

Некоторое время спустя мы получили письмо от поверенного майора Гаррена; он сообщал о смерти отца Эдит и о том, что майор, по причине замужества до-

чери, завещал распределить все свое состояние между благотворительными обществами.

Восемь месяцев я был счастлив, а затем пришла беда.

Моя жена умерла при родах.

Через три дня умер наш малыш.

Я был разбит.

У меня развилось воспаление мозга, и я полгода провел в постели.

Наконец я начал понемногу вставать. Я был тенью себя прежнего, худ и истощен болезнью.

Мать отвезла меня к морю, где мы оставались еще полгода. Затем я вернулся к своей практике.

Но несчастья продолжали преследовать меня – спустя полтора года после возвращения в Кент моя мать (всегда отличавшаяся хрупким здоровьем) умерла от чахотки.

Миновало немногим более двух лет, и вот я потерял все, что было мне дорого в мире.

Со смертью матери я унаследовал ренту, те же пятьсот в год, не зависившие от моей практики.

Я не мог продолжать жить там, где познал великое счастье и величайшие утраты, и решил отправиться в путешествие, надеясь, что незнакомые места и новые лица хоть немного развеют мою печаль.

Глава III

Приняв такое решение, я продал практику и спустя три месяца после смерти матери, точнее же второго декабря 1882 года, поднялся на борт парохода, который должен был доставить меня в Гавр; через полчаса я увидел, как скалы Дувра тают на горизонте.

Плавание через пролив выдалось ужасным.

Гавр можно назвать самым радостным из норманских портов, и при взгляде на окружающие холмы, людей в прихотливых нарядах, толпы на набережных и в кафе нелегко поверить, что Англия находится на расстоянии всего шести часов пути.

Я нанял камердинера и около месяца развлекался тем, что посещал различные курорты Нормандии.

Затем я уехал Дьепп, посетил Сен-Валери, Фекаан и так далее, вернулся в Гавр и оттуда, через Руан и чудесную долину Сены, направился в Париж.

В Париже я оказался спустя месяца два после отъезда из Лондона.

На каждом шагу маршрут мой был исполнен очарования: привлекательность этого путешествия несравнима со скукой дороги через Кале.

Я провел два месяца в Париже, после отправился в Лион, далее в Швейцарию; я ненадолго задержался в Турине, оттуда проследовал в Парму, Модену, Флоренцию и Рим, где прожил несколько недель.

Из Рима я доплыл по воде до Чивитавеккьи, затем добрался до Неаполя, где намеревался отдохнуть.

Какое-то время меня забавляли экскурсии по различным любопытным местам города и окрестностей;

но, устав от них, я решил перебраться на Искию и провести лето на острове.

Суда на Искию и Прочиду отходят дважды в день; морское путешествие отнимает лишь два с половиной часа и в хорошую погоду доставляет большое удовольствие.

Двадцать первого мая 1883 года я поднялся на борт; пятнадцать минут спустя судно отошло от берега.

День был прекрасен; залив ярко освещали солнечные лучи, чей жар смягчал сладчайший ветерок.

Мы миновали побережье Посилипо и пересекли вход в бухту Поццуоли.

Перед нами расстился величественный морской пейзаж; мы видели Поццуоли, Низиду, Байи и прочее, и затем, обогнув Капо ди Мизейро, достигли Марины ди Мизейро у подножия живописного замка.

Я сошел с парохода на пляже Марина ди Санта Мария, нанял повозку, погрузил на нее свой багаж и отправился по дороге, пересекающей остров с севера на юг, к небольшой бухте Чаочелла, где снова сел на судно, отплывавшее в город Искию.

Прежде, чем я продолжу, позвольте мне ненадолго отвлечься и рассказать о самом прекрасном острове Неаполитанского залива.

Иския, известная древним под названиями Питекуза, Энария и Инарими, является крупнейшим островом в окрестностях Неаполя и лежит на расстоянии приблизительно двадцати миль от города.

Окружность Искии также составляет двадцать миль, расстояние от берега до берега в самой широкой части равняется четырем милям, длина — пяти с половиной милям.

Население — около 24,000 человек.

До возобновления активности Везувия в первом веке нашей эры, Иския была крупнейшим центром вулканической деятельности в Южной Италии.

Монте Эпомео, Эпомос греков и Эпомей латинских поэтов, находится близ центра острова.

Возле вершины нет следов лавы, и вулкан, похоже, в прошлом проявлял себя главным образом латеральными извержениями.

На склонах горы и во многих местах на откосах ясно видны вулканические трещины.

Северный и западный берега острова полого спускаются к морю, тогда как южный и восточный резко уходят в воду, образуя высокие обрывы.

Иский издавна присуща вулканическая деятельность, и древние мифы, связанные с этими явлениями, наделили остров особым очарованием.

Примерно в период основания Кум греки из Халкиды и Эритреи* создали на острове колонию.

В те времена они процветали, но постоянные землетрясения и вулканические извержения вынудили их покинуть Исию.

В конце концов они поселились на противоположном берегу, в Кумах.

Тимей упоминает о них и приводит легенду о том, что незадолго до его эпохи (а жил он около 262 года до н.э.) вулкан Монте Эпомео выдохнул огонь и пепел, и вся земля между горой и берегом обрушилась в море, которое отступило на три стадии и, возвратившись, затопило остров и погасило пламя.

О подобных случаях рассказывает и Плиний, хотя его версия отличается от рассказа Тимея.

* Видимо, опечатка – первыми поселенцами на Иский были выходцы из Эвбеи.

Он говорит, что Эпомео изверг языки огня.

Далее он пишет, что после одного из землетрясений, сопровождавших извержение, образовалась болотистая низина, а благодаря другому отделилась Прочида.

В 1302 году случилось еще одно извержение; у подножия вулкана с северо-восточной стороны появился лавовый поток, который достиг моря у города Иския.

Римские поэты, вероятней всего, произвели древнее наименование Питекуза от $\pi\acute{\iota}\theta\eta\kappa\omicron\varsigma$, поскольку остров, как считалось, был населен обезьянами.

Климат Иския превосходен, и удобное местоположение веками привлекало на остров многочисленных гостей.

Прохладный ветер с моря делает чудесным и самый жаркий сезон года.

Великолепные холмы и долины, обрывистые скалы, голые склоны гор и плодородные равнины сменяют друг друга в романтической пестроте.

В письме к папе римскому, датированном 1717 годом, епископ Беркли писал: «Остров Инарими есть воплощение всей земли в пределах восемнадцати миль».

В долинах растет пшеница и кукуруза, но большая часть возделанных угодий занята фруктовыми деревьями. Абрикосы, персики, апельсины, лимоны, гранаты, фиги, арбузы и многие другие фрукты и плоды произрастают здесь в поразительном изобилии.

Холмы покрыты виноградниками и рощами каштанов; другие поросли миртом, третьи являют природные заросли, не тронутые рукой человека.

Гора Эпомео господствует над ландшафтом. У подножия ее раскинулись виноградники, выше пасутся стада овец и коз.

С вершины, с этой изогнутой каменистой шеи, открывается один из прекраснейших в мире видов.

Отсюда в ясный день можно различить до 300 миль итальянского побережья, от выступа Анциума до мыса Салерно.

В этом чудеснейшем месте я собирался провести несколько месяцев в надежде отвлечься от своих горестей.

К счастью, мы, смертные, не можем предсказать, что уготовило нам будущее – однако, я забегаю вперед.

Я обосновался в Казамиччиоле, где снял удобный домик; там я поселился вместе со своим камердинером и вторым слугой, исполнявшим роль повара.

Я обустроил в своем новом жилище лабораторию; опыты занимали меня в те дни, когда я уставал от прогулок по острову или путешествий вдоль его берегов.

Глава IV

Как-то, очутившись у лучшей в городке гостиницы, я заметил на улице индуса с корзинкой на спине.

Он остановился, поставил корзинку на землю, достал небольшую дудочку и принялся высвистывать монотонную мелодию.

Вскоре я увидел, что крышка корзинки сдвинулась; из-под нее высунулись головы нескольких змей; музыка зазвучала быстрее, и из корзинки выскользнули пять индийских кобр.

Ничего подобного я раньше не видел, и зрелище это заворожило меня.

Я зачарованно следил глазами за быстрыми движениями рептилий.

Я подошел к индусу и спросил, сохранились ли у змей ядовитые клыки.

Сперва он меня не понял. Понадобились некоторые старания, но наконец он уразумел мой вопрос и, сверкнув белыми зубами, закивал головой.

Вот цель, что поможет мне скоротать время.

Почему бы не попробовать найти противоядие от укуса самой смертоносной из змей?

Я немедленно решил приобрести кобр.

Указав на них и затем на себя, я вытащил горсть серебра и протянул индусу монеты.

Он покачал головой, но порыв мой не ускользнул от него; он сложил руки ладонями вместе, намекая, очевидно, что я должен удвоить сумму.

Я так и сделал, отдал ему деньги и знаками велел поднять корзину – змеи скользнули внутрь, как только смолкла музыка – и следовать за мной.

Дома я разыскал пять больших глиняных сосудов и попросил индуса поместить в них змей; горлышки я затянул тонкой проволочной сеткой. Здесь я собирался держать своих новых питомцев, пока для них не изготоят подходящие клетки.

Индус откланялся, сообщив знаками, что змей следует кормить мышами, маленькими птичками и мухами.

Я вышел вслед за ним, нашел человека, который согласился сделать клетки и вернулся домой, весь поглощенный новой идеей. Отчего бы мне не стать первооткрывателем чудодейственного средства?

Я вспомнил, что слышал об одном или двух случаях, когда люди хвастались, что нашли противоядие – и умирали, поставив эксперименты на себе.

Но в моем случае, если только мне повезет, будут приняты все меры предосторожности. Для начала я стану экспериментировать с собаками, кошками и любыми другими животными, каких мне удастся раздобыть – пока не удостоверюсь, что мое средство надежно.

И тогда...

Что ж, если не удастся убедить кого-либо испробовать противоядие, я поставлю опыт на себе.

И если укус окажется смертельным, не беда. Жить мне незачем.

Все, кого я любил, умерли; никто на свете не вздохнет, пусть и в мимолетном сожалении, узнав о моей смерти.

Если же и после смерти я сохраню способность мыслить, меня будет греть мысль о том, что умер я подобно много превосходившим меня мужам, ушедшим ранее в мир иной – во имя науки.

Но не вырваны ли все-таки у змей ядовитые зубы, не обманул ли меня индус?

Я должен был узнать правду.

Как убедиться? Курица; именно это мне и нужно.

Звоном колокольчика я призвал камердинера и попросил его купить мне живую курицу.

Он бросил на меня недоуменный взгляд, однако, будучи отлично вышколен, не стал задавать никаких вопросов, отправился исполнять поручение и через некоторое время вернулся с курицей в руках.

Я отнес птицу в лабораторию, где поселил змей, и позволил одной из них укусить курицу.

Затем я поместил птицу в коробку, закурил сигару и отправился на небольшую прогулку.

Вернувшись через полчаса или около того, я открыл дверь и нашел курицу мертвой.

Пока что – все в порядке.

Далее мне предстояло найти противоядие.

Я приступил к систематической работе.

На первых порах я с жадностью прочитал все книги о ядах, какие мне удалось найти.

После этого, убив одну из змей, я извлек ядовитые железы, внимательно исследовал их содержимое и сравнил отраву с другими ядами.

Я начал скупать беспризорных собак и кошек.

Когда весть об этом разнеслась по острову, мой порог каждое утро стали осаждать толпы мальчишек; они вели на веревках или несли на руках несчастных собак и еще более несчастных кошек, которых готовы были принести в жертву в обмен на несколько мелких монет.

Таким образом, мне было несложно обеспечить себя животными для опытов.

Всякий день из моей лаборатории или маленькой комнаты, которую я снимал по соседству – здесь мои обездоленные жертвы ожидали своей очереди или проводили последние часы жизни – уносили мертвые тела.

Я с большим энтузиазмом проработал около месяца и затем, к своей превеликой радости, нашел то, что искал.

Однажды утром, собравшись на прогулку и открыв дверь, я увидел у дома пса, которого неделю назад считал мертвым и отправил восояси.

Это поразило меня.

Я поманил животное внутрь и осмотрел его.

Да! сомнений не было: на ноге пса все еще виднелись отметины от змеиных клыков.

Наконец-то мне выпала возможность обессмертить свое имя.

После ряда опытов на животных я убедился, что мое противоядие действенно.

Необходимое количество противоядия зависело от силы и размера каждого из животных. Я нашел, что путем введения больших или меньших доз мог держать своих подопытных под влиянием яда на протяжении, соответственно, большего или меньшего периода времени.

В двух или трех случаях, когда мне не удалось уловить малейшее биение сердца или признаки дыхания, а конечности животных были на ощупь холодными, я оставил подопытных в покое, и они очнулись; заняло это от двенадцати до тридцати часов.

И хотя сперва конечности их не слушались, через несколько часов мышечная деятельность восстановилась, причем, насколько можно было судить, пережитые животными укусы никак им не повредили.

В качестве следующего, и последнего, шага мне требовалось найти человека, готового подвергнуться эксперименту.

Я предложил крупную сумму, но никто не желал рисковать. Поэтому я решил поставить опыт на себе.

Глава V

Я тщательно рассчитал сопротивляемость человеческого организма к ядам, сравнил ее с сопротивляемостью животных и пришел к выводу, что благодаря любопытным свойствам противоядия воздействие его на человека будет проявляться медленнее, чем в случае животного.

Затем я написал письмо своему камердинеру; я попросил его вызвать определенного врача (моего приятеля), не спешить с похоронами и перед погребением непременно убедиться, что я действительно мертв.

Гроб следовало изготовить из очень тонкого и легкого дерева, просверлив отверстия там, где будет находиться моя голова.

И наконец, я велел похоронить себя в склепе и указал в письме, где хранятся деньги для приобретения места в таковом.

Для большей уверенности в том, что мои указания будут выполнены, я также составил письмо к упомянутому врачу, в точности изложив, что следует сделать.

Я отослал ему одну копию письма, вторую же положил на каминную доску; письмо я оставил на видном месте, и оно сразу бросалось в глаза.

Тринадцатого июля, подготовив со всем тщанием противоядие, я подставил руку под укус одной из кобр. Через тридцать секунд я проглотил препарат и начал быстро расхаживать взад и вперед по комнате, чтобы разогнать кровь.

Еще несколько мгновений – и комната будто завертелась; меня начало неодолимо клонить ко сну.

Некоторое время я боролся с сонливостью, но после мои ноги подкосились, все тело одеревенело и я рух-

нул на пол.

Я был парализован и не мог даже пошевелиться; я ничего не видел и только разум и слух еще не отказали мне.

Я словно падал в глубокие пропасти, все ниже и ниже, глубже и глубже, затем, казалось, снова оказывался на поверхности.

Сознание полностью прояснилось.

Я понимал, где нахожусь, и мог теперь трезво взвесить свои шансы.

Какие ужасные мысли овладели мною!

Не ошибся ли я с дозой противоядия?

Что будет, если меня найдут в таком состоянии и похоронят?!

Быть может, это и есть смерть, и мертвые осознают все, что с ними делают – вплоть до похорон, когда их засыпают землей, а они лежат, не в силах двинуться...

Я вспомнил вычитанные из книг случаи преждевременных погребений, вспомнил о людях, которых находили перевернувшимися в гробах, с вырванными волосами и ногтями, впившимися в кожу – свидетельством того, сколь ужасным должно было быть их пробуждение.

Сейчас, когда я находился на краю гибели или, возможно, уже умер, я не хотел умирать.

Жизнь, мнилось мне, воплощала все прекрасное; могила – все жуткое, отвратительное, мерзкое.

Я не чувствовал хода времени; пространство раздулось и расширилось, превратившись в невыразимую бесконечность.

Так я провел, как показалось мне, годы.

Камердинер постучал в дверь и, не дождавшись ответа, вошел.

Увидев меня на полу, он вскрикнул; на крик прибежал второй слуга.

Я слышал, как они переговаривались. Они отнесли меня в спальню, уложили на кровать, а затем один из них отправился за врачом.

Тот явился и констатировал мою смерть.

Пока доктор осматривал меня, в комнату снова вошел камердинер с письмом в руке, показал ему мое послание, вслед за чем они обсудили содержание письма.

Доктор – который оказался, кстати сказать, вовсе не тем приятелем-врачом, на которого я рассчитывал – заметил, что я, должно быть, сошел с ума и совершил, к сожалению, большую глупость; с этим он распрощался, обещав прислать гробовщика, чтобы снять с меня мерку.

Слуги омыли меня и уложили как подобает; все это я признавал, будучи не в состоянии что-либо ощутить или пошевелиться; затем они накрыли меня и ушли.

Позже пришел гробовщик и снял с меня мерку для гроба.

Я слышал, как камердинер передал ему мои пожелания, касающиеся изготовления гроба и покупки места в кладбищенском склепе.

Гробовщик согласился изготовить в точности такой гроб, как было велено.

Камердинер подошел к секретеру. Я слышал, как звенят монеты, которые он доставал из ящичков.

В это время вошел повар. Вместе они опустошили мои чемоданы и сундуки, хладнокровно присвоив все ценности и прочие понравившиеся им вещи.

Только представьте себе мои чувства! Я лежал в нескольких футах от них и все же не мог им помешать.

Принесли гроб и меня положили внутрь.

Крышку заколотили.

Я не знал, сколько прошло времени; каждая минута казалась годом страшной, чудовищной агонии.

Меня вынесли, гроб поместили на катафалк.

Что если им не удалось приобрести склеп, и меня зароят в землю?

И если это смерть, как жутко вечно лежать в земле и все сознавать!

И все-таки будет стократ ужасней, если я еще жив; тогда я очнусь, чтобы умереть подобной смертью, одной из самых жестоких, что может вообразить человеческий разум!

Снова и снова я представлял, что ждет меня, заключенного в этот узкий деревянный ящик.

С какой силой, с каким напряжением мысли я мечтал пошевелить рукой или ногой – но все было тщетно!

Жило только сознание, и в нем я претерпевал муки, что были страшнее участи грешников в аду.

О! Почему я не мог убить собственный мозг и тем избежать мучительной неопределенности?

Возможно, мозг и был душой, и душа по смерти не покидала тело, а оставалась в нем и, чувствуя и осознавая все испытываемые телом ужасы, страдала за грехи, совершенные им на земле.

Что же сотворил я, чем навлек на себя эти крестные муки?

Они поставили гроб на землю и отслужили надомной похоронную службу.

По окончании ее гроб подняли и внесли в склеп.

Хвала Господу! в землю меня не зароят.

Затем они положили меня на каменный выступ и ушли.

Я слышал, как лязгнула железная дверь, когда они захлопнули и заперли ее.

Я остался один.

Не знаю, сколько времени я пролежал там, но внезапно я ощутил в левом боку что-то похожее на укол

тонкой иглы; после сразу несколько игл словно пронзили мое сердце.

Покалывание усилилось; казалось, в тело со всех сторон вонзались маленькие острые инструменты.

Время от времени я чувствовал, как подергивались мышцы.

Я задышал.

Кровь начала циркулировать, сперва медленно, затем все быстрее, растекаясь по венам, точно расплавленная лава, и вызывая мучительную боль.

Я пошевелился.

Никогда не забуду высший экстаз этого мгновения.

Я снова чувствовал себя живым.

Я попытался закричать, но мое горло пересохло, и мне удалось издать только низкий, хриплый звук.

Предположим, подумал тогда я, что они нарушили мои указания: решили, что я был безумен, когда составлял письмо, и сколотили гроб из толстых досок.

В этом случае я вряд ли сумею освободиться и погибну в гробу от голода.

Очевидно, отверстия в гробу они все же проделали согласно моим инструкциям; дышалось мне легко и, несмотря на тлетворный запах, который издавали тела мертвецов, лишенные своих сгнивших гробов, воздух склепа казался мне самым сладостным в мире.

Через некоторое время я вновь пошевелился и нашел, что теперь лучше владею своими конечностями.

Подняв руки, я оцупал доски над головой и сорвал с лица вощеную бумагу, устилавшую гроб.

С каждым движением мышцы все лучше подчинялись мне.

Все поры кожи сочились потом.

Ко мне вернулся голос.

Я кричал, ворочался и бил кулаками в доски над головой без всякого видимого результата.

Я на секунду остановился и затем, со всей силой отчаяния, ударил в крышку гроба коленями.

Доска затрещала.

Я вновь и вновь напрягал все свои силы и с последним громадным усилием мне удалось расщепить гробовую крышку; инерция удара увлекла меня на пол, следом упал гроб.

Измощенное тело взяло свое.

Я потерял сознание.

Очнувшись, я ни увидел ни зги; меня окружала полная темнота.

Я подполз к стенке склепа и безуспешно попытался нащупать дверь.

Затем я успокоился и начал обходить склеп по кругу, задевая по пути стоявшие у стенок гробы.

Я слышал, как гремели кости скелетов и как более свежие трупы рушились на пол с глухими ударами, когда гробы их падали и раскалывались.

Временами я спотыкался и растягивался во весь рост среди мертвецов; выставляя руки, чтобы смягчить падение, я нащупывал их иссохшую кожу и кости или гнилую плоть.

От них исходило чудовищное зловоние.

Я решил отдохнуть и присел на гроб.

Передо мной в темноте проходили давно забытые сцены и события.

Я не сумел бы понять, что эти видения связаны со мной, если бы не вязь странных причин, предопределявших ход событий и объяснявших их с такой ясностью, что мой разум мгновенно понимал и истолковывал их смысл.

Бесспорно, нет худшего ада для дурного человека, чем его совесть; и если мы принимаем на веру, что душа по смерти не гибнет и обладает силой мысли, мы

тем самым создаем ад куда ужасней простых телесных страданий.

Я вспомнил отрывок из Де Квинси, где он говорит:

«Память лишена способности забывать; тысячи случайных событий определенно образуют пелену между нашим сознанием и тайными письменами памяти, и тысячи таких же событий в свою очередь могут разрывать ту пелену, но, так или иначе, письма те не исчезают, подобные звездам, что, казалось бы, скрываются перед обычным светом дня, однако на деле знаем мы: свет – лишь покров, сброшенный на светила ночные, и ждут они, чтоб проявиться вновь, пока куда затмевающий их день не сокроется сам»^{*}.

И это, и тысячи других тревожных предположений кружились в моем сознании.

Все чувства напряглись; я ощущал себя натянутой струной, что вот-вот лопнет – и тогда я сойду с ума.

Я встал и снова начал ощупывать стены склепа. В длину, как выяснилось, он достигал около 30 футов, в ширину почти 20; у самых стен я иногда задевал головой потолок; это привело меня к мысли, что склеп являлся частью естественной пещеры.

Не исключено, подумал я, что она примыкает к целому ряду переходящих одна в другую пещер и отделяется от них всего лишь тонкой перегородкой.

Я подобрал большую кость и стал постукивать ею по стенам, обходя склеп.

Обойдя несколько раз пещеру по кругу, я убедился, что в одном из углов стена отвечает на постукивание гулким звуком.

Я снова ударил в стену.

^{*} Т. Де Квинси (1785-1859). «Исповедь англичанина, употребляющего опиум» (1821). Пер. С. Панова.

Да! несомненно, звук был здесь иным, нежели в других местах.

Пустое пространство за стеной простиралось примерно на три фута в каждом направлении.

Я ожил и попытался пробить костью стену.

Кость оказалось слишком короткой, и мне пришлось пальцами удалить часть земли вокруг проделанного отверстия, чтобы просунуть руку глубже.

Несказанная радость!

Кость прошла насквозь, и дуновение прохладного, свежего воздуха овевало мое лицо, вспотевшее от физических усилий и пережитых тревог.

После затхлого склепа этот воздух показался мне глотком свежей воды и будто наполнил энергией мое изможденное тело.

Я с новыми силами набросился на отверстие и вскоре расширил его так, что мог протиснуться в дыру.

Какие ужасы ждали меня на той стороне? Но все было лучше, чем склеп с жуткими трупами. Я опустился на колени и прополз в отверстие.

Я вытянул руки перед собой и встретил пустоту.

Что делать? Вернуться в склеп?

Никогда! Лучше умереть, чем возвратиться к ужающему зловонию.

Мелькнула мысль – отчего бы не убить себя?

Лучше смерть, чем эта страшная тьма.

Я протиснулся дальше и задержался на другой стороне отверстия. Затем, пробормотав молитву, я разжал руки.

На мгновение я завис в воздухе, после ударился о землю и покатился вниз по крутому откосу.

Что-то ударило меня по голове, и я лишился чувств.

Глава VI

Придя в себя, я понял, что лежу на земле рядом со скоплением гигантских грибов, испускавших странный фосфоресцирующий свет.

В неверном свете я увидел, что нахожусь в большой пещере, но не мог составить представления о ее истинных размерах.

Потеки и наросты лавы, пемза, камни и разноцветные кристаллы слагались в стены, которые уходили резко вверх и терялись где-то над головой в путающей черноте.

Пол пещеры был покрыт осколками тех же камней и кристаллов, что образовывали ее стены.

Кристаллы, сиявшие на стенах и разбросанные по земле, отражали фосфоресцирующий свет, испускаемый грибами; моим ужаснувшимся глазам открылось скопище громадных рептилий – они скользили, извивались и сражались друг с другом, корчась на полу пещеры отвратительными клубками.

Я содрогнулся, отвел взгляд и посмотрел вверх; но здесь меня ждало еще более чудовищное зрелище.

Огромные иссиня-белые птицы с невероятных размеров глазами и искривленными клювами длиной в фут сидели на скалах, выдававшихся из стен, или с хриплым клекотанием перелетали с уступа на уступ.

То и дело, испустив пронзительный вопль, одна из них слетала с насеста, устремлялась к земле, хватала змею и улетала с нею, шипящей и извивающейся, в густую темноту свода.

Повсюду громоздились груды фосфоресцирующих грибов; их потусторонний свет открывал мне жуткие картины.

Лужи черной жидкости на полу сливались в отталивающие озерца; время от времени, шипя, в воды их бросались змеи и исчезали из виду.

Чистейшее изумление ненадолго притупило ужас.

Но затем пришло отвращение; удивление растаяло, и я задрожал от страха, не зная, что еще может явить мне пещера.

В склепе я испытал духовный и моральный ужас.

Но здесь все было по-иному.

Здесь ужасы были материальны; их воплощали чудовищные птицы и омерзительные змеи.

Вокруг царила атмосфера вековечности и бесконечности, которая все сгущалась и подступала ко мне тягостной близостью безумия.

Мертв ли я?

Неужели это ад?

Реальны ли эти ужасные светящиеся создания?

Мое тело ныло от боли, не оставляя сомнений в том, что я жив; по ногам проползла змея, и я с дрожью осознал, что она не была фантомом, порожденным моим воображением.

Какое-то время я пролежал на земле, пытаюсь уяснить свое положение; я не понимал, как оказался в пещере.

После я вспомнил, как решил покончить с собой и бросился в черную бездну.

Должно быть, я снова потерял сознание, так как внезапно очнулся с чувством ужаса: что-то скользнуло по моему лицу.

Я открыл глаза, подумав, что то была змея.

Приближавшееся ко мне существо испускало свет; я узнал одну из громадных птиц — она камнем падала прямо на меня.

Я поднял камень и подпустил птицу на расстояние нескольких футов.

Затем, собрав свои слабые силы, я метнул камень.

К счастью, прицел был взят верный.

Камень угодил птице в крыло, и она упала с ужасными криками; неповрежденным крылом птица била по земле, змеи в страхе расползались во всех направлениях, эхо в пещере отзывалось на звук тысячами голосов.

Крики птицы привлекли сотни товарок; те некоторое время кружились над нею с пронзительным клекотом, затем пали вниз, разорвали раненую птицу на куски и сожрали у меня на глазах.

Я весь дрожал; скоро, надо полагать, настанет и моя очередь.

Но ужасы на этом не прекратились; впереди было худшее.

Не успели птицы вернуться на скалы и утесы, как я, обернувшись, заметил вдалеке проблеск света. Казалось, свет этот близится.

Сперва он походил на звезду, но, приближаясь, все ширился и наконец, на протяжении четверти мили, ярко осветил пещеру.

Вначале глаза мои были ослеплены ярким светом, и я ничего не видел.

Когда глаза привыкли к свету, я начал понемногу осознавать гигантские размеры пещеры (если только это была пещера), в которой очутился. Я лежал в углу, справа и слева на сотни ярдов тянулись стены, и конца им не было видно.

Я не мог разглядеть свод; надо мною нависало огромное темное пространство.

Стены вздымались вверх и терялись в темноте.

Свет становился все более ярким.

И наконец я увидел, что его испускали сотни отвратительных, ужасных, жутких существ; двигаясь, они освещали все вокруг, так как от тел их исходило то же

фосфоресцирующее свечение, что я ранее наблюдал у грибов и птиц.

Меня охватил страх; я дрожал.

Должно быть, я сплю.

Я ущипнул себя и протер глаза.

Что за ужасные чудовища?

Настали мои последние минуты; сейчас они найдут меня и убьют.

Футах в двухстах от меня они на секунду или две остановились, затем направились к скоплению грибов и принялись вырывать грибы из почвы и поедать.

Пока существа были поглощены грибами, я наблюдал их повадки и сумел лучше рассмотреть их странные тела.

Позвольте мне попробовать их описать.

Рост около половины из них составлял пять футов; остальные были не выше четырех.

Последних я счел самками.

В целом они несколько напоминали павианов или бабуинов.

Но, приглядевшись внимательней, я понял, что несмотря на некоторые черты, присущие бабуинам, эти существа довольно сильно отличались от них.

Главное свойство, отличавшее их от обезьян, состояло в том, что они передвигались на двух ногах, выпрямившись во весь рост, как люди.

Ноги были совершенно белыми, лишенными волос.

Головы небольшие, непропорционально маленькие по отношению к телу и посажены прямо на плечи, лишенные всякого подобия шеи.

Глаза большие, миндалевидной формы.

Лбы приплюснутые и уходящие назад, как у бабуинов. Их нижние челюсти сильно выдавались вперед, а подвижные губы самым необычным образом кривились: существа разговаривали друг с другом.

Когда они раскрывали рты, впиваясь в грибы, я видел крепкие белые зубы.

Носы у некоторых также мало напоминали носы бабуинов: у одних они располагались между глаз, у других походили на собачьи.

Я слышал, как они скрежещут зубами, пережевывая грибы.

От шеи до бедер тела их покрывали длинные, негустые и грубые голубовато-белые волосы, ниже виднелись тонкие белые ноги.

Длинные и жилистые руки свисали почти до земли, как у бабуинов: волосы на руках, в отличие от растительности на теле, были тонкими и шелковистыми.

У некоторых имелись короткие рудиментарные хвосты, у других хвостов не было.

Одного из них я принял за вожака; он отдавал приказания другим.

Он намного больше походил на человека, чем все остальные, и на миг даже показался мне европейцем.

Ноги у него были много толще, чем у прочих, руки гораздо короче и почти лишены волос; голова лучше сидела на плечах, уши меньшего размера, нежели у остальных, и покрыты короткими шелковистыми волосами.

По правде говоря, выглядел он ничуть не хуже многих мужчин, которых я видел порой на купаниях, если не считать приплюснутого лба и выпяченной обезьяжьей челюсти.

После того, как они немного насытились, он что-то прокричал; я не разобрал слова, но язык звучал как испорченная латынь.

Другие тотчас прервали свое пиршество и сгруппировались вокруг него.

Два или три существа протянули вожаку какие-то странные сети; их он разделил между остальными.

Существа немедленно вернулись к грибной поросли и наполнили сети грибами.

Несколько из них оказались поблизости от меня.

Что делать?

Если я пошевелюсь, они меня заметят.

И тут же, скорее всего, разорвут меня в клочки.

Они подошли к тому месту, где птицы расправились со своей товаркой, увидели вокруг кровь и перья.

С пронзительными криками, в которых мне послышался гнев, они бросились к своему предводителю; другие также собрались, слышав их крики, и все они принялись жестикулировать, издавая страшный шум.

Что они собирались делать?

Вскоре они успокоились, затихли и, очевидно, стали слушать речь существа, принятого мною за вожака; я отличал его по тембру голоса.

Когда он закончил говорить, они всей толпой приблизились к месту расправы и внимательно осмотрели пол пещеры.

В этот миг один из них издал жуткий, почти человеческий предсмертный крик и упал наземь.

Я пригляделся и заметил, как в сторону от несчастного скользнула одна из громадных рептилий.

Остальные расступились перед змеей и затем столпились вокруг раненого, который лежал неподвижно и жалобно стонал; они никак не пытались облегчить его муки.

Он попытался встать, покачался на ногах и в судорогах снова упал навзничь; изо рта у него хлынула кровь, смешанная с пеной.

Я сразу же понял, что он обречен.

Через несколько минут он испустил дух.

Несколько малорослых созданий – которых я считал самками – разразились ужасающими стенаниями.

Это укрепило меня в мысли, что они и в самом деле были самками: ведь создания женского пола чаще всего не упускают возможности поднять как можно больше шума.

Существа повыше ростом отнеслись к случившемуся очень спокойно, точно были к такому привычны.

Они перенесли своего мертвого товарища к черному озерцу неподалеку и положили тело на берег.

Затем они нарвали множество выющихся растений, обвивавших грибы, привязали к телу камни и столкнули его в воду.

После этого, словно ничего достойного внимания не произошло, они вернулись к месту гибели птицы и стали осматриваться, как будто что-то искали.

Некоторое время они продолжали исследовать пол пещеры; затем один из них, приблизившись, заметил меня и издал громкий крик.

Глава VII

Все они сгрудились вокруг и при виде меня страшно завопили.

В любую секунду, казалось, они готовы были наброситься на меня и растерзать, но вместо этого они просто стояли и выли.

Спустя несколько мгновений вожак выступил вперед, подошел ко мне и – к моему неопишуемому удивлению – произнес несколько слов. Сперва я ничего не разобрал, но затем понял, что он говорит на вульгарной латыни и спрашивает: «*Unde venis*», «Откуда ты пришел?». «*Ex terra superna*», «С верхней земли», отвечал я на своей лучшей латыни.

«*Quid facis*», «Что ты здесь делаешь?», спросил он чуть погодя. «*Cecidi*», ответил я – «Я упал».

На этом расспросы завершились и все остальные, хранившие во время нашей беседы молчание, разом залопотали.

Я не понимал, о чем они говорили; но поскольку они указывали сначала на меня, а потом на озерцо, в воды которого сбросили тело сородича, было нетрудно заключить, что они препирались, обсуждая, утопить меня или нет.

Большинство, похоже на то, жаждали моей смерти и некоторые уже начали подступать ко мне.

Я был бессилен против этой толпы и так слаб, что и одно существо легко бы со мною справилось.

Я знал, что сопротивление бесполезно и продолжал лежать совершенно неподвижно, утешая себя мыслью, что если мне и суждено умереть, то не по своей вине.

Они собрались было схватить меня, но тут одно из малорослых существ заслонило меня своим телом.

Я смог перевести дух.

К самке немедленно присоединились другие; судя по их жестам и выкрикам, они умоляли самцов пощадить меня.

Те не собирались проявлять милосердие.

Я приготовился к смерти: в любой миг они могли оттолкнуть моих защитниц и расправиться со мной.

Вожак, стоявший все это время без движения, заметил, что мнения касательно моей казни разделились; он подошел к спорящим и жестом велел рослым созданиям отступить.

Они послушались, но продолжали испускать дикие крики – как видно, они были разочарованы, лишившись добычи.

Вожак повернулся к ним и произнес небольшую речь; наконец, они успокоились.

Затем он обратил внимание на меня и произнес на своей вульгарной латыни: «*Surge*», «Вставай». Я указал на свои ноги и ответил: «*Non possum*», «Я не могу».

Очевидно, он понял меня, так как тут же подозвал шестерых самцов; они приблизились, и я подумал, что меня убьют на месте.

Но вместо этого двое взяли меня за плечи, двое за ноги, а еще двое соединили руки под моей спиной.

При их прикосновениях я чувствовал неодолимое отвращение, но поделать ничего не мог и поэтому не двигался.

Вожак направил несколько существ вперед; сначала я не понимал, зачем это понадобилось, но вскоре сообразил, что они должны были отгонять змей.

В расчищенном ими пространстве выступал вождь, затем те шестеро, что несли меня, за ними малорослые существа; строй замыкали высокие самцы с корзинами грибов на спине.

Так мы пересекли один из участков пещеры. Время от времени мы проходили мимо скоплений грибов или замечали вдалеке их свечение.

Грибы здесь были меньших размеров, нежели в пещерном зале, куда я сначала упал, и чем дальше мы углублялись в пещеру, тем меньше они становились.

Иногда над головой, словно ракеты в темноте, проносились световые вспышки: то были птицы, перелетавшие с места на место.

Вскоре скопления грибов исчезли; если бы не чудесное фосфоресцирующее свечение, которое исходило от тел существ и распространялось на некоторое расстояние, мы очутились бы в крошечной тьме.

Мои спутники очень боялись змей; после того, как я увидел смерть их сотоварища, это меня ничуть не удивляло.

Заметив змею (что случалось достаточно часто), они вскрикивали от ужаса и спешили уступить ей дорогу.

Через какое-то время мы достигли глубокой расщелины; они опустили меня на землю и начали переговариваться, как видно, пытаясь найти способ переправить меня на другую сторону.

Было ясно, что они не собираются сразу меня убивать – иначе они не стали бы со всей осторожностью нести меня в такую даль.

Меня несли так бережно, что прежний страх перед ними понемногу стал отступать.

Я глянул в пропасть и задрожал: «Как же они намереваются меня переправить?»

Мне не пришлось долго мучиться сомнениями.

Ширина расщелины составляла футов пять; будь я в добром здравии, не колеблясь бы ее перепрыгнул; но я был не в силах даже ходить, не говоря уже о прыжках.

Мои спутники, видимо, наконец сообразили, как осуществить переправу.

Около дюжины из них перескочили на противоположную сторону, затем двое наиболее рослых улеглись рядом под прямым углом к краю пропасти.

Остальные выстроились в две цепочки; передние при этом удерживали ноги лежавших. Существа, оставшиеся рядом со мной, выполнили такой же маневр, а после двое с каждой стороны протянули над пропастью свои длинные руки, пока не соприкоснулись пальцами, подтянулись ближе и обхватили друг друга за туловища.

Тем самым они образовали живой мост.

Носильщики немедленно подняли меня и понесли, дрожащего от страха, ступая на спины своих товарищей.

Несколько секунд спустя я был благополучно перенесен на другую сторону.

Тогда четверо в центре разжали руки; их втянули обратно.

Остававшиеся на противоположной стороне перескочили через расщелину. Мы снова тронулись в путь – неизвестно куда.

В этой части пещеры, как я заметил, совсем не было змей и грибов, да и птицы попадались все реже.

После мы приблизились к еще одной расщелине, но на сей раз более широкой.

Далеко внизу я слышал шум воды, мчащейся с гулом по узкому, каменистому руслу.

Мы проследовали вдоль края пропасти и наконец нашли достаточно узкое место, где можно было устроить живой мост.

Прежнее акробатическое представление повторилось, я благополучно оказался на другой стороне, и мы двинулись вперед.

Качаясь на руках носильщиков, я строил тысячи предположений об этих странных существах.

Вполне очевидно, что это не обезьяны – ведь они владеют речью.

Но и не люди; у некоторых имеются короткие хвосты.

Что же они собою представляют?

У меня вдруг мелькнула мысль о теории Дарвина.

Да! Несомненно, они и есть недостающее звено.

Но как объяснить их фосфоресцирующее свечение?

Можно предположить, рассуждал я, что своим свечением эти создания обязаны грибам, которые служат им пищей; вещество грибов насквозь пропитало их тела и выступает сквозь поры.

Возможно ли такое, сказать я не мог, но то было единственное объяснение.

Благодаря этим размышлениям я почти избавился от страха, овладевшего мною в первые минуты, и начал с растущим интересом наблюдать за своими похитителями.

Как случилось, что их до сих пор никто не открыл?

Только я, в девятнадцатом веке, сумею доказать то, о чем мудрейшие из ученых могли лишь строить гипотезы.

Смогу ли я выбраться из ужасной пещеры и подарить миру свое открытие?

И эта мысль, и тысячи других тревожили меня.

Предавшись размышлениям, я закрыл глаза, а открыв их, увидел, что отряд очутился перед проходом в скальной стене.

Вожак ступил внутрь, за ним последовали носильщики, вслед за ними и все остальные. Ширина прохода, как я заметил, составляла около двадцати футов.

Стены, как и в большом зале, были сформированы скальной породой и кристаллами, однако здесь стены

были гладкими и казались обработанными руками, а не природными силами.

Пол покрывал мелкий белый песок. Стены достигали в высоту десяти-двенадцати футов.

Мы прошли по этому проходу около мили; затем я заметил проблеск света где-то впереди.

Должно быть, мы достигли выхода, рассудил я; не солнечный ли это свет?

И наконец мы вышли из скального прохода. Моим глазам открылось еще одно поразительное зрелище – передо мной лежала пещера, похожая на ту, что мы покинули, но средних размеров.

Однако, в отличие от первой, она была ярко освещена.

Этот свет я и заметил в конце прохода. Он исходил от сотен удивительных существ, подобных моим спутникам.

Пол пещеры, как и в скальном проходе, был покрыт мелким белым песком; чудовища лежали на песке или резвились у стен, среди каменистых уступов.

Некоторые из них показались мне даже более похожими на людей, чем вожак нашего отряда.

При виде нас они тотчас бросили свои забавы и столпились вокруг.

Заметив меня, они разразились криками – уж не знаю, злобы или радости; несколько существ мгновенно метнулись прочь.

Вскоре они возвратились.

Впереди их выступало создание, во всем схожее с человеком – за исключением головы, такой же уродливой, как у остальных.

Когда существо подошло к толпе, все остальные раступились и позволили созданию приблизиться ко мне.

Небольшой рост сразу выдавал в этом создании женщину; почтение, какое ей выказывали, говорило о ее высоком положении.

Ее руки, ноги и все тело были совершенно белы и отличались прекрасными формами, конечности переходили в человеческие кисти и ступни.

В отличие от прочих существ, покрытых длинными грубыми волосами, волос на ее теле было немного, и эти волосы были короткими, тонкими, белыми и шелковистыми.

Посмотрев на ее голову, я содрогнулся.

Она отлично сидела на белых плечах – но ужасный приплюснутый лоб, глубоко запавшие глаза, удлинённые уши и выпяченная нижняя челюсть (голова ее, как и тело, поросла короткими шелковистыми волосами) придавали ей еще более отвратительный вид, чем похожим на бабуинов сородичам.

Вожак выступил ей навстречу.

Некоторое время они переговаривались на вульгарной латыни.

До меня доносились некоторые слова, и я понял, что он рассказывает, как отряд нашел меня в «пещере змей» (как он называл это место), как змея расправилась с их товарищем и как они обнаружили останки птицы.

Я заключил, что птицы считались священными, поскольку охотились на змей, наводивших великий ужас на этих существ.

Вожак обвинил меня в гибели птицы и попросил у женщины позволения убить меня.

С этим она не согласилась и приблизилась к тому месту, где я лежал. Она прикоснулась ко мне рукой и спросила на латинском языке:

– Почему ты убил ее?

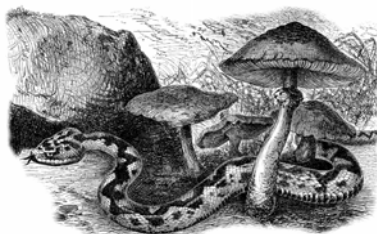
Я объяснил, как мог, что птица напала на меня, когда я спал, и пыталась меня умертвить, и что я схватил камень и бросил его, ранив птицу.

Я сказал, что другие птицы, завидев свою товарку на земле, тут же ринулись вниз, разорвали ее на части и сожрали.

Она подозвала вожака и объяснила, что я лишь хотел защитить себя.

На самом деле, добавила она, хищницу убили другие птицы.

Затем она указала на меня и произнесла: «*Hic fer-ti*», «Принесите его сюда».

Глава VIII

Меня подняли и понесли в другую пещеру. Она была вся залита ярким светом, исходящим от грибов, которые кучами лежали у стен; очевидно, то была их кладовая.

Отсюда мы прошли в пещеру меньших размеров.

На песчаном полу располагались груды голубовато-белых волос, напоминавших волосы на телах загадочных существ; эти волосы не светились.

По-видимому, пещера служила им спальней, а груды волос – постелями.

Носильщики остановились, опустили меня на волосяное ложе и вышли из пещеры, оставив меня наедине с белой женщиной.

Она устроилась рядом на сиденье из волос и принялась с любопытством меня разглядывать.

Я откинулся на постели, раздумывая, что меня ожидает.

Женщина издала резкое восклицание, испугавшее меня до дрожи. У входа появилось одно из малорослых созданий.

Она отдала какое-то распоряжение – я не расслышал, что она сказала – та сразу исчезла и быстро вернулась, неся в руках полный сгусток лавы, в котором плескалась вода.

Она поставила чашу возле меня и вышла.

Затем белая женщина обратилась ко мне и произнесла по-латыни:

– Омой свои раны.

(Далее я буду переводить их вульгарную латынь по возможности буквально, приводя лишь английское истолкование).

Я почувствовал смущение оттого, что мне придется раздеться перед ней; она была так похожа на человека!

Но она даже не пошевелилась, и было понятно, что уходить она не собирается.

Меня похоронили в пижамном костюме.

Сняв куртку, я осмотрел себя и увидел на плечах и груди засохшую кровь и множество синяков и порезов, причиненных падением.

Я начал мыться.

Тем временем она подошла ближе, прикоснулась к моему плечу и произнесла: «*Ты красив*».

Положение становилось критическим. Я поспешно надел куртку и сел на ложе.

В этот момент она снова издала какое-то восклицание, и служанка (кем она, вне сомнения, и была) снова возникла на пороге.

Белая женщина что-то произнесла, служанка ушла и вскоре вернулась – на сей раз с грибами.

Она положила их на землю и вышла.

Белая женщина протянула мне кусок гриба, отломив еще один для себя и начала есть.

Я не сразу последовал ее примеру; заметив мои колебания, она, как мне показалось, удивилась и сказала:

– Ешь.

Я был очень слаб и голоден, а потому отбросил все сомнения, откусил кусочек гриба и прожевал.

Вкус я не назвал бы неприятным; он несколько напоминал вкус обычного сырого гриба, но показался мне более изысканным.

Я покончил со своим куском и приступил к следующему.

Я смаковал каждый новый кусочек гриба и, съев третью порцию, подумал, что никогда ничего вкуснее не пробовал.

Я запил кушанье водой и ощутил прилив сил.

Белая женщина, которая все это время, как и я, с апетитом расправлялась с грибами, повернулась ко мне и сказала:

– Они требуют, чтобы я убила тебя.

– Почему? – спросил я.

– Потому что ты убил одну из священных птиц, – ответила она.

С этими словами она отвернулась, зарылась в грудь волос и мгновенно уснула.

Очень приятно, ничего не скажешь!!

Избежать стольких опасностей только для того, чтобы погибнуть от рук этих созданий в отместку за убийство какой-то отвратительной птицы – которая, не убей я ее, расправилась бы со мной!

Что же делать? Попытаться бежать?

Если даже я сумею от них ускользнуть (в чем я сильно сомневался), я не буду знать, куда направиться.

Пещеры, в отсутствие обитателей, погружены во тьму. Предположим, что мне удастся добраться до самой первой пещеры, где существа нашли меня; однако единственный известный мне путь наружу лежит через склеп, чье зловоние и непроглядная чернота хуже смерти.

Нужно предоставить событиям идти своим чередом.

Решение было принято, и я огляделся по сторонам. Взгляд упал на белую женщину, спавшую в нескольких футах от меня.

Какое отвратительное чудовище!

Эта ужасная уродливая голова!

При свете ее тела я смог осмотреть помещение, где мы находились.

Пещерка была почти квадратной, футов тридцати в длину и примерно столько же в ширину.

Стены от пола до свода совершенно гладкие.

Свод, высотой не менее двенадцати футов, состоял, как и стены первой пещеры, из грубых камней, застывшей лавы, пемзы и кристаллов.

В пещере не было ничего, за исключением постелей из волоса.

На стенах я заметил любопытные рисунки.

Один из них изображал женщину, но вместо страшной обезьяньей головы у ней была голова человека.

Рисунок, точнее же резное изображение, имел в высоту шесть футов и был выполнен, видимо, очень давно; линии, изначально уходившие в скалу на целый дюйм, стерлись от времени и в некоторых местах были едва различимы.

Очертания лица превосходно сохранились; не могло быть и тени сомнения в том, что художник изобразил человека.

Я терялся в догадках.

Как оказался здесь этот рисунок?

Кто его сделал?

Наверняка не похитившие меня существа?

Не держат ли они в этом ужасном месте, помимо меня, других мужчин или женщин?

Я решил расспросить обо всем белую женщину.

Терзаясь тысячами вопросов, я незаметно для себя уснул.

Проснулся я от ее прикосновения. Я открыл глаза и увидел, что она протягивает мне гриб; рядом, на полу, стояла чаша с водой.

Сон пошел мне на пользу и очень освежил меня.

Я сел на постели и спросил, что ей нужно от меня.

— Ешь, — сказала она.

Пока я жевал гриб, она подобралась поближе, обняла меня за шею руками и наклонила голову, словно бы собираясь меня поцеловать. Я задрожал и отшатнулся. Этого я вынести не мог.

В голове мелькнула еще одна строка из Де Квинси – та, где он описывает, как видел во сне «крокодилов, даривших смертельные поцелуи»*.

Лучше крокодилы, чем губы этого чудовищного создания.

Мой отказ, видимо, причинил женщине боль; взглянув на нее, я увидел в ее глазах слезы.

Она наклонилась и подобрала кусочек гриба, затем опустила на колени и протянула его мне.

Я взял гриб и, не зная, что с ним делать, проглотил его.

Очевидно, она сочла это знаком прощения; она нагнулась и прижала свои подвижные губы к моей руке.

Затем она поднялась и, не говоря ни слова, вышла из пещеры.

Что будет дальше? Вскоре я получил ответ.

В пещере появился вожак нашедшего меня отряда и шестеро других существ; они приблизились ко мне.

Вожак остановился передо мной и приказал:

– Следуй за мной.

Я встал и последовал за ним; шестеро других шли позади. Мы вышли из пещеры, прошли через кладовую и очутились в большой пещере.

Здесь собрались сотни существ – видно, они ждали моего появления.

Не успели они увидеть меня, как разразились оглушительными криками.

Белой женщины нигде не было; я гадал, куда она могла подеваться.

* Де Квинси, там же.

Что они собираются со мной сделать?

Вожак обернулся и сказал:

– Иди за мной.

Он подвел меня к пролому в стене пещеры, затем мы углубились в проход.

Где-то впереди мерцал свет; казалось, он исходил из земли.

Мы подошли ближе, и я увидел, что не ошибся. Это был небольшой кратер диаметром футов десять. Я заглянул в него, и меня ослепило сияние раскаленной бурлящей массы на дне.

Меня хотят бросить в кратер?

Кровь застыла от испуга в моих жилах. Я подался назад от края кратера, но позади живой изгородью застыли уродливые существа.

Двое из них выступили вперед и положили мне на плечи свои длинные, жилистые руки.

Не стану и пытаться описать свои терзания. Настал, думал я, мой последний миг. Через несколько мгновений я буду мертв – плоть сгорит, обнажив кости, кости обуглятся и превратятся в пепел.

Я пробовал сопротивляться, но они держали меня, точно клещами, не давая двинуться.

Меня подтащили к самому краю воронки, подняли на руки и уже собрались бросить вниз, когда воздух расколол пронзительный крик.

Они остановились – и я увидел, что сквозь толпу бежит белая женщина; существа расступались перед нею.

– Стойте! – вскричала она. – Кто приказал вам убить его? Я хочу его – он должен жить.

С этими словами она оттолкнула державших меня стражей и взяла меня за руку.

Вожак подошел ближе и сказал:

– Он убил одну из священных птиц. Наказание – смерть.

Толпа встретила его слова одобрительными криками.

Белая женщина стояла неподвижно. Когда шум стих, она ответила:

– Наказание для одного из нас – смерть, но он не из наших. И потому я говорю, что он должен жить.

Ужасные существа молчали; она продолжала:

– Я ваша царица. Вы сами избрали меня, ведь я более других напоминаю нашу мать. Но он еще больше похож на нее. И все же вы намерены убить его? Не бывать этому; пришелец станет моим, и наши дети будут править вами, и каждое новое поколение будет прекрасней прежнего.

Такую речь, насколько мне помнится, произнесло это удивительное создание.

Она замолчала. Мгновение тишины – и существа разразились аплодисментами.

Она повела меня за руку сквозь толпу, которая освободила нам дорогу, позволив вернуться в большую пещеру и оттуда в меньшую.

Здесь она отпустила мою руку, бросилась на волосяную постель и горько зарыдала.

Когда ее всхлипывания утихли, я поблагодарил ее за спасение моей жизни.

Она вперила в меня взгляд глубоко посаженных печальных глаз и спросила:

– Откуда ты пришел?

– С той стороны земли, – ответил я.

– Где это? – спросила она.

– Там, вовне, – объяснил я.

Она не поняла, что означает «вовне», однако указала на вырезанную на стене фигуру и сказала:

– Она пришла оттуда.

Я спросил:

– Когда?

- Не знаю, – ответила она.
- Тебе о ней что-нибудь известно? – спросил я.
- Мать рассказала мне о ней перед смертью, – отвечала она.

Я присел на груды волос и попросил ее рассказать все, что она знает. Привожу этот рассказ; я перевел ее слова, как мог, с вульгарной латыни.

Глава IX

Эту легенду поведала мне мать. Она слышала ее от своей матери. Той рассказывала ее моя прабабушка; история дошла до наших дней с давних времен, когда все это случилось. Когда именно это было, я не могу сказать, но, думаю, много лет назад. Раньше мы были еще уродливей, чем теперь. Ноги у нас были другие, мы не могли стоять выпрямившись, у нас росли хвосты, руки были гораздо длиннее и заканчивались пальцами почти одинаковой длины. Мы были гораздо меньше ростом и полностью покрыты длинной шерстью.

Жили мы не здесь, а в месте, которое становилось то светлым, то темным. Было нас много тысяч. Потом пришли ужасные времена.

Земля начала сотрясаться.

Горячее вещество, подобное тому, что наполняет дыру, куда тебя хотели бросить, вытекло из склона горы. Оно заполнило множество маленьких пещер и убило тех, кто там прятался.

Некоторые бежали сюда и спаслись.

Земля сотрясалась еще какое-то время.

Внезапно свод пещеры, где они находились, треснул и в пещеру упало создание, похожее на тебя, только с длинными волосами.

На нем были вещи, которые можно отбрасывать и снова набрасывать на себя. Создание не пострадало, так как упало в воду. После его появления земля успокоилась.

И когда все закончилось, спасшихся оставалось совсем мало: помимо тех, кого убило горячее вещество, были и другие, задавленные упавшими камнями.

Они пытались выбраться на свет, но не смогли это сделать; земля завалила место, где они вошли.

У них не было еды и некоторое время они скитались в темноте.

Но наконец они нашли вещи, что дают свет. Они питались ими и более ничем. Женщина (они узнали, что она была женщиной) долго плакала. После и она стала есть эти вещи.

Один из моих предков, потерявший подругу во время сотрясения земли, взял ее.

У нее родились маленькие.

Первый был белым, за исключением головы – напоминавшей голову отца – но не мог ходить выпрямившись, подобно ей.

Следующий был больше похож на нее. Он был способен стоять прямо, и у него не было хвоста.

Она научила их издавать звуки, которые понимала.

Родив четырех детей, она умерла, а они смешались между собой, и от их маленьких также произошли белые создания с хвостами, покрытые волосами.

Все они подчинялись той или тому, кто больше других походил на белую женщину.

Они понимали друг друга, как и мы сейчас.

Они долго пробыли в пещере, питаясь вещами, что дают свет, и сами стали освещать вещи вокруг, сперва очень немного, но после свет стал сильнее.

Прошло много времени и земля снова задрожала.

Все первые существа были мертвы. Оставались только те, что родились после появления белой женщины. Они были самого разного вида.

Одни напоминали меня; у других были хвосты, короткие или длинные; некоторые могли ходить выпрямившись, другие передвигались на руках и ногах.

Одни были целиком покрыты волосами, другие лишь наполовину.

Шло время, они начали вырождаться и стали более волосатыми. Но все теперь могли ходить, не опираясь на руки.

Отныне уже редко рождались такие, как я, и когда это происходило, остальные всегда им подчинялись.

Сейчас больше нет таких, как я. Волосы у всех темные, и я боюсь, что белых среди них теперь не появится. Со временем дети их детей станут все больше походить на тех, какими мы были до прихода белой женщины.

Даже сейчас некоторые из нас не могут говорить, хотя понимают слова.

К своему горю, недавно я увидела маленького с длинным хвостом, который передвигался, помогая себе руками.

Я велела его убить, потому что не хотела, чтобы он размножался; но это не поможет, конечно, и наверняка будут другие, похожие на него.

Но теперь я счастлива. Я убеждена, что ты был послан сюда мне в помощь.

Поэтому я спасла тебе жизнь и хочу, чтобы ты жил со мной. Наши маленькие снова будут белыми. Ты будешь нашим вождем – и не позволишь нам вновь стать такими, какими были мы давным-давно.

Завершив свой рассказ, она приблизилась и села рядом со мной. Как ужасно, подумал я, быть принужденным жить с таким чудовищем.

Лучше смерть.

Однако, раздумывая далее, я ведь не хочу погибнуть. Покамест я буду отклонять ее ухаживания, а тем временем постараюсь найти какой-то способ избежать этой жуткой судьбы.

Я повернулся к ней и сказал:

– То, что ты поведала, чудесно. Но неужели после того, как явилась белая женщина, свод пещеры никогда не раскрывался? Разве не открывался он во время последнего сотрясения?

– Да, – ответила она. – В тот раз некоторые из нас видели сильный свет, который сиял сквозь отверстие в своде, но вскоре оно закрылось и стало темно, как прежде.

– И из пещеры этой нельзя выбраться? – спросил я.

– Нет, – ответила она.

Последняя надежда угасла. Мне придется провести остаток своих дней в роли мужа этого уродливого создания.

Я вспомнил об утраченной жене и задрожал при мысли, что мне предстоит отдаться любовным объятиям чудовища.

Это было бы невыносимо.

Словно в кошмарном сне, я нигде не видел пути к спасению; спасти меня могла только смерть.

И все же я искренне жалел бедняжку.

Она обернулась ко мне и сказала:

– Ты не светишься. Я велю двум нашим все время оставаться с тобою рядом. Ты будешь жить со мной в маленькой пещере.

Она издала восклицание.

На пороге тотчас появилась служанка. Белая женщина заговорила с ней. Та ушла; через несколько минут в пещеру вошел вожак собирателей грибов.

Она отдала ему какое-то распоряжение; он вышел и быстро вернулся, ведя за собой около дюжины страшных самцов.

Женщина снова повернулась ко мне и спросила, кого из них я предпочитаю. Я выбрал двух самых низкорослых и слабых на вид.

Я прикоснулся к ним и сказал:

– Эти.

– Хорошо! – сказала она. Взмахнув рукой, она приказала остальным:

– Уходите.

Они немедленно вышли.

Двое отобранных мною встали слева и справа от меня.

Я решил снова осмотреть место, где я проник в пещеру; может быть, мне удастся найти способ бежать.

– Когда ты пошлешь их за грибами? – спросил я.

– Скоро, – ответила она.

– Я тоже хотел бы пойти.

– Я пойду с тобой, – сказала она.

Я чувствовал себя очень усталым и дал ей понять, что хочу спать.

Два фосфоресцирующих существа тут же бросили на пол несколько охапок волос. Я растянулся на этом ложе и вскоре сны унесли меня далеко от ужасной пещеры.

Здесь, в пещере, я не мог следить за временем и потому не смог бы сказать, сколько я проспал; но, проснувшись, я почувствовал, как что-то обивается вокруг моей шеи; это была рука белой женщины, лежавшей на волосяной постели рядом со мной.

Обнаружив ее так близко от себя, я вздрогнул.

Мое движение разбудило ее.

Она сняла руку с моей шеи, и я ощутил большое облегчение.

– Когда мы отправимся в пещеру грибов?

– Пойдем сейчас, – ответила она.

Она поднялась и заговорила со слугами.

Оба самца покинули пещеру.

Наклонившись, она обвила меня руками, приподняла и поцеловала. Я боялся даже вскрикнуть, страшась, что она впадет в бешенство и убьет меня. Она облада-

ла невероятной силой. Она подняла меня в воздух с постели, как младенца. Словами не описать то отвращение, что вызывали у меня ее ласки. Но протестовать не имело смысла. В ее объятиях я был беспомощен.

– Нам пора идти, – сказал я.

Она опустила меня на пол, и мы вместе вышли из пещеры.

В большом зале нас уже ждали собиратели грибов.

Она велела нескольким выступить вперед и освещать нам путь, и мы отправились в «пещеру змей», как они ее называли. Мы прошли той же дорогой, пересекли расщелины и оказались в царстве грибов.

Вокруг было очень много змей: мы не успели еще достигнуть грибных зарослей, когда одно из шедших впереди существ вскрикнуло и упало. Мы подбежали и увидели, что самец был укушен; несколько минут спустя он умер. Другие привязали к его телу камни и сбросили тело в озеро, как поступили и с первым погибшим, а затем принялись собирать грибы.

Я нагнулся за грибом. Рядом притаилась змея; она бросилась на мою руку и вонзила ядовитые зубы в ладонь. Я испустил резкий вопль, заставивший всех остальных собраться вокруг меня. Я ждал неминуемой смерти. Белая женщина громко кричала, и я решил, что ее также укусила змея.

Она поймала мою руку, нашла ранки, прижалась к ним ртом и стала высасывать кровь.

Другие молча стояли вокруг.

К моему удивлению, укус не оказал на меня никакого воздействия, помимо недолгой тошноты и головокружения.

Вскоре я пришел в себя и сказал белой женщине, что чувствую себя хорошо. Мои слова безумно обрадовали ее.

Она обвила руками мою шею, прижала меня к себе и принялась осыпать меня поцелуями. Это не доставило мне никакого удовольствия, но я помнил, что она рисковала жизнью, высасывая яд, и старался спокойно принимать ее лобзания.

Остальные были несказанно поражены и перешептывались, удивленные тем, что яд оказался безвредным для меня. Я приписал это укусу кобры: видимо, благодаря ему у меня выработался иммунитет, и теперь я был защищен от яда, во всяком случае змеиного.

Конечно, змея, укусившая меня, могла быть неядовита; однако я видел, как за короткое время погибли два существа и имел все причины предполагать, что укус был бы для других смертелен.

Сети были наполнены, и мы двинулись в обратный путь. При переходе через одну из расщелин произошло несчастье.

Одно из существ, перепрыгнув через расщелину, очутилось слишком близко к краю.

Земля осела, и существо полетело вниз. Секунды две или три мы не слышали ни звука, а затем до нас донесся глухой удар – тело упало на дно пропасти.

Эти существа казались совершенно равнодушными к смерти и словно не заметили падения собрата.

Я спросил шедшую рядом белую женщину, чем объясняется такое бессердечие, и получил ответ:

– Это случается так часто, что они привыкли.

Когда мы следовали вдоль стены пещеры, приближаясь к скальному проходу, раздался внезапный и громкий шум. Мы отскочили в сторону как раз вовремя: громадный обломок отделился от скалы и рухнул вниз. Мы достигли прохода и вернулись в пещеру без дальнейших происшествий.

Я слышал, как собиратели грибов рассказывали о нападении змеи и о том, как я выжил. Целая толпа собралась поглазеть на меня. Все были удивлены и смотрели на меня, как на сверхъестественное создание.

Глава X

Вскоре после описанных событий белая женщина стала самым неприятным образом домогаться меня, принуждая к супружеской жизни.

Я не видел пути к спасению – пришел решающий момент.

Должен ли я оставить всякую мысль об утонченности – опуститься до уровня грубой бестии, подобной этим полуживотным – завести детей и умереть среди чудовищ, зовущих меня отцом?

Отвергнуть ее домогательства и принять неминуемую смерть? Я был уверен, что она не колеблясь расправится со мной, если я разочарую ее.

Будь только лицо ее чуть более человеческим, пусть и каким угодно уродливым, я смог бы преодолеть отращение.

Ее тело, руки и ноги были прекрасно вылеплены.

Она была добра и нежна и, очевидно, души во мне не чаяла. Но передо мной во всем своем чудовищном уродстве все время маячила эта омерзительная голова. Какая, однако, ужасная смерть: вероятно, меня бросят в кратер, и пылающая лава ошпарит, изжарит, сожжет меня дотла.

Вдруг у меня забрезжила идея. Если это существо погибнет, меня, вполне возможно, не казнят. Почему бы не убить ее? Но как осуществить этот замысел и остаться непойманным? Тысячи мыслей осаждали меня, но все планы казались слишком рискованными.

Один из них наконец показался мне выполнимым.

Отчего бы не подсунуть ей змею?

Я могу поймать змею, когда мы в следующий раз отправимся за грибами, принести ее в нашу пещеру и

запустить ее в волосяную постель перед тем, как женщина ляжет спать.

Змея укусит ее; она умрет, и я буду избавлен от ее преследований.

Меня змеиный укус не убьет, как доказал прошлый случай.

Но если я и умру, лучше смерть, чем заживо сгореть в кратере или жить с нею как муж с женой. Мой замысел мог показаться жестоким, трусливым и подлым, однако я не испытывал укоров совести, намереваясь лишить жизни спасшее меня существо: я лихорадочно думал только об убийстве, мечтал лишь об одном – увидеть ее смерть.

Разработав план действий, я поднялся на ноги. В это время в пещеру вошла белая женщина, неся воду и грибы.

Она подошла ближе, поставила передо мной подношение и предложила мне поесть и выпить воды.

Меня охватили угрызения совести.

Какой право имел я отнять жизнь у этого существа, думавшего только о моем благе?

Я отбросил эти мысли и поклялся, что ничто не заставит меня свернуть с избранного пути.

Но я предоставляю ей еще один шанс: посмотрим, удастся ли мне ускользнуть от ее объятий.

Я повернулся к ней и спросил:

– Я очень тебе нравлюсь?

Она с удивлением ответила:

– Конечно. Иначе я не захотела бы жить с тобой.

– А если я сейчас умру, как ты поступишь? – спросил я.

– Но ты не умрешь, – ответила она и улыбнулась.

Ее ответ и эта улыбка решили ее судьбу.

Ничто не заставит меня отдаться поцелуям этих отталкивающих губ, привлечь на грудь эту обезьянью голову.

Да! долой сострадание, долой упрёки совести.

Она должна умереть.

– Когда отряд снова пойдет в пещеру змей? – поинтересовался я.

– Мы поспим, после туда отправятся несколько слуг,
– отвечала она.

– Я пойду с ними, – сказал я.

– Зачем тебе идти? Почему ты не хочешь остаться здесь, со мной? – спросила она.

– Мне надоело все время сидеть в этой пещере. Я скоро вернусь. Останься здесь и подожди моего возвращения, – ответил я.

– И тогда ты будешь со мной?

Я кивнул, растянулся на груди волос и уснул.

Когда я проснулся, женщина сидела у моих ног. От тела ее исходило свечение, и в окружности нескольких ярдов было совершенно светло.

Не успел я открыть глаза, как она сказала:

– Тебя ждут.

Я вскочил с постели и вышел из пещеры; она последовала за мной.

В большой пещере стояли собиратели грибов, держа в руках сети.

Белая женщина хотела пойти с нами, но я сказал:

– Ты устанешь; пещера змей далеко.

Бедняжка была тронута заботливостью, прозвучавшей в моих словах, и согласилась остаться. Мы вышли в путь без нее, что меня только радовало.

В пещере змей я отделился от остальных и отошел в сторону, якобы в поисках грибов побольше размером.

То и дело мне встречались значительные скопления или целые заросли фосфоресцирующих грибов, кото-

рые ярко освещали все вокруг себя.

Среди грибов я искал маленькую змею.

Большие попадались часто, но маленьких, какие могли бы поместиться в кармане пижамной куртки, где я собирался спрятать пойманную змею, было не так много; они были очень проворны и оказались трудной добычей.

С некоторым трудом мне удалось поймать одну. Эта быстрая змейка успела укусить меня за палец, но укус, как и прежде, никак на мне не сказался.

Я поместил змею в карман, завязал его так, что змея не могла убежать, и вернулся к остальным. Они уже наполнили свои сети и были готовы направиться домой.

Как только я присоединился к ним, мы тронулись в обратный путь.

У скального прохода, ведущего в пещеру, нас ждала белая женщина и несколько других существ.

Очевидно, она с нетерпением ожидала моего возвращения; при виде меня она обрадовалась, горячо обняла меня и поцеловала.

Затем она рассказала, что в наше отсутствие родился малыш, совсем такой же, как их предки, жившие многие века тому назад.

Она настойчиво просила меня взглянуть на малыша.

Я подчинился; тот был со своей матерью, отец же, во всем схожий с бабуином, за исключением более коротких рук и способности ходить на двух ногах, сидел возле них на камне и глядел на звереныша с выражением жалости в глубоко посаженных глазах.

Малыш, родившийся всего несколько часов назад, уже всю бегал вокруг матери на четвереньках и размахивал длинным хвостом.

Белая женщина заплакала.

— Скоро все они станут такими. Ты должен жить со мною; вместе мы породим новое поколение, похожее на тебя. Наши дети возьмут себе тех, что более других напоминают меня, и нас минует эта жуткая судьба, — сказала она, указывая на маленького бабуина; мать в это время как раз начала кормить малыша.

Белая женщина подозвала одного из слуг, постоянно сопровождавших меня, и велела ему бросить малыша в кратер.

Мать, услышав ее приказание, издала ужасный вой и прижала малыша к груди.

Отец сидел безучастно, опутив на косматую грудь свою уродливую голову.

Я попросил ее пощадить малыша.

— Нет! — сказала она. — Он должен умереть. Если он останется жить, то очень скоро породит таких же.

Несмотря на сопротивление и крики матери, малыша, которые все это время жалобно стонал, отняли и унесли прочь, чтобы бросить в кратер.

Я пошел следом и видел, как существо, схватив малыша за хвост, швырнуло его в кипящую массу лавы.

Едва он исчез в кратере, как мать, до последнего мига сопровождавшая свое дитя, испустила пронзительный крик и бросилась вниз вслед за ним.

Отец стоял на краю воронки, глядя туда, где она исчезла, стонал и бил себя в грудь кулаками.

В красноватом свете кратера он являл собой удивительное зрелище. Яркий свет пылающей лавы и свечение его собственного тела отчетливо обрисовывали каждый волосок голубовато-белой шерсти и уродливое лицо, искаженное страданием.

Мы оставили его там и вернулись в маленькую пещеру.

Через несколько минут белая женщина вышла.

Я поспешно развязал карман, вытащил змею и поместил ее в груду волос, служившую женщине ложем.

После этого я бросился на свою постель и притворился спящим.

Она вошла в сопровождении двух моих слуг.

Увидев, что я распростерт на ложе, она жестом приказала слугам выйти, подошла ближе, опустилась на колени у постели и опустила голову на постель совсем рядом с моим лицом.

Я подавил невольную дрожь и продолжал притворяться спящим.

Подождав немного, она решила, как видно, что я уснул; не желая меня будить, она поднялась на ноги и, к моему большому облегчению, направилась к груде волос, в глубине которой я спрятал змею.

При свете ее тела я мог ясно видеть все происходящее.

Если змея не уползла, она очень скоро укусит женщину и та умрет.

Теперь, когда настало роковое мгновение, я почувствовал угрызения совести. Она была очень привязана ко мне. Я не знал, будет ли ей больно. Те двое, что погибли от змеиных укусов, страшно страдали. На какой-то миг я едва не утратил власть над собой и хотел было предупредить ее, чтобы она не ложилась. Но я подавил приступ слабости и принялся с нетерпением ждать ее крика.

Ни крика, ни возгласа; она поглубже зарылась в груду волос и уснула.

Я не сводил с нее глаз, снова и снова представляя себе сцену, что вот-вот должна разыгаться в пещере.

Змея кусает ее, она пробуждается!

Она дергается, проводит рукой по постели, нащупывает змею, вскрикивает, вскакивает, пошатывается, падает на пол, судорожно корчится и умирает в муках!

Десятки раз это видение проходило перед моим мысленным взором, и всякий раз к нему добавлялась какая-нибудь новая деталь; наконец оно стало таким отвратительным и так ужаснуло меня, что я решил подобраться поближе, поймать змею и убить ее, прежде чем она укусит женщину.

Я осторожно, стараясь двигаться бесшумно, поднялся и подошел к ее постели.

Из-под волос высунулась голова змеи. Я попытался схватить ее, но змея быстро спряталась обратно.

Я ждал, пока змея не показалась снова – но она опять и опять ускользала от меня.

Внезапно я увидел, как все тело женщины задрожало; в следующий миг змея выползла из-под волос и молниеносно скользнула в темноту.

Успела ли змея ее укусить?

Я осторожно положил руку на левую грудь женщины. Ее сердце билось слабыми, еле ощутимыми толчками. Я надавил сильнее; это пробудило ее.

Она открыла глаза, увидела меня и протянула ко мне руки. В этот миг по ее телу прошла судорога.

Ее руки упали, голова запрокинулась, челюсть отвисла.

Она была мертва.

Это бедное, нежное, доброе и уродливое чудовище умерло; я стал его убийцей.

Лишь одно утешало меня: она так и не узнала, что убил ее я.

Я вернулся к своей постели, бросился на грудь волос и попытался заснуть, но не смог.

Глава XI

Пещера погрузилась теперь в полную темноту: со смертью белой женщины свет, исходивший от ее тела, постепенно сошел на нет.

Поздно было думать о последствиях. Я знал, что как только в пещере появится одно из существ и увидит, что тело ее не светится, все узнают, что она умерла.

На пороге появился один из слуг.

Как я и ожидал, он заметил, что в пещере темно, затем увидел мертвое тело. Он подбежал к женщине, опустился на колени, притронулся к мертвой и издал ужасный вопль.

Вбежал второй слуга. Узнав, в чем дело, он разразился самыми жуткими криками, какие мне приходилось слышать; кровь застыла от страха у меня в жилах.

Вскоре пещеру заполнили и другие. Услышав весть о ее смерти, они присоединились к слугам, громко выражая свое горе.

То была странная, фантастическая картина.

Эти стенающие от горя создания напоминали скопище дьяволов. Сотни и сотни их толпились в пещере и у входа в нее. Меня они не замечали; печаль их была столь велика, что они, казалось, забыли обо мне.

Вдруг, без всякого предупреждения, нас оглушил звук, подобный залпу тысячи артиллерийских орудий.

Земля содрогнулась с такой силой, что многие из них попадали с ног.

С криками, еле слышными в шуме рушащихся скал, они ринулись прочь из пещеры, давя друг друга по пути.

Остался лишь один из слуг, приставленных ко мне белой женщиной.

Он стоял у ее тела и был так поглощен своим горем, что словно не замечал сотрясения земли.

Несколько секунд спустя земля задрожала с удвоенной яростью.

Стены пещеры раскачивались взад и вперед, с них срывались большие камни; некоторые падали рядом с моим ложем.

Я вскочил с постели и бросился к выходу, но далеко уйти не сумел.

Со стороны кратера вырвался широкий поток лавы, преградив мне путь в большую пещеру. Я видел, как в ней бесцельно метались туда и сюда сотни существ, которые испускали душераздирающие крики и плач.

Я не мог пересечь поток, который уже достиг двенадцати или четырнадцати футов в ширину.

Лава растекалась с ужасной скоростью, настигая некоторых существ, не успевших забраться повыше.

С дикими криками они падали в кипящую массу лавы; миг — и тела их исчезали, унесенные огненным потоком.

Многие нашли убежище в скалах и оказались на какое-то время в безопасности.

Но дрожь земли расшатала камни, и существа падали, судорожно цепляясь за них, пока не исчезали в кипящей массе.

Жар опалял мое лицо и становился невыносимым; я отступил в маленькую пещеру, забрался на скалу и устроился на высоком уступе.

Отсюда я мог видеть, что творилось в соседней пещере.

Время от времени одно из созданий, корчась от жара, жалобно вскрикивало, разжимало руки и падало в расплавленную лаву.

Слуга вскарабкался на скалу и оказался не遠далеке от меня. Лавовый поток казался длинной лентой огня; эта огненная река устремлялась сквозь проход в скалах к «пещере змей».

Никогда не забуду, как кричали существа, пока лава медленно вздымалась все выше, низкий гул глубоко в недрах земли и рев огненной, кипящей массы, прокладывавшей себе путь между скалами.

Большой обломок стены с противоположной стороны пещеры рухнул, увлекая за собой сотни существ. Жутко было видеть выражение их лиц, когда они низвергались в поток лавы.

Уровень лавы быстро поднимался; если так будет продолжаться, через час поток достигнет уступа. Но прежде, как я понимал, мне предстоит задохнуться от жара. Я решил покинуть свое убежище и пробрался по скальной стене глубже в пещеру, где лежало тело белой женщины.

Лава уже kloкотала у входа в пещеру и постепенно заливала пол.

Через несколько мгновений она поглотила волосяное ложе, достигла тела и вскоре покрыла его целиком, наполнив пещеру запахом горячей плоти.

Слуга повсюду следовал за мной; увидев, как горит тело его госпожи, он снова завыл от горя.

Я крепко уцепился за скалу футах в двадцати от земли, отдавшись на волю судьбы.

Отсветы лавы и светящееся тело моего спутника позволяли мне ясно видеть все вокруг.

Я огляделся и заметил в нескольких футах выше провал в стене.

Я решил добратъся туда.

Каждые несколько секунд земля сотрясалась – и всякий раз я ждал, что эти толчки сбросят меня с уступа.

Прямой подъем был слишком крутым, и я начал зигзагами взбираться по стене.

Когда я забрался на уступ примерно в трех футах от провала, существо – которое, как мне все это время казалось, не обращало внимания на мои передвижения – с пронзительным криком бросилось на меня.

Нападение было таким неожиданным, что я соскользнулся и едва не упал.

Я с трудом восстановил равновесие, схватил существо за короткую шею и принялся душить.

К счастью, слуг я подобрал низкорослых и слабых – я не выстоял бы в поединке с большим самцом.

И все же всякий миг мне казалось, что существо вот-вот одолеет меня.

Пока мы боролись на уступе скалы, я пытался понять, почему самец набросился на меня, но не находил причины.

Напрягая все силы, он оторвал мои руки от своего горла, но в это мгновение нога его соскользнула со скалы, и он рухнул в кипящую лаву, оставив у меня в руке клочок своих длинных голубовато-белых волос.

Я наклонился и заметил чуть ниже змею – как и я, она забралась на камни, пытаясь скрыться от жара.

Вот почему он хотел убить меня.

Увидев змею и хорошо зная, что по эту сторону расщелины змеи не водятся, он рассудил, по всей видимости, что змею принес я и убил с помощью рептилии его госпожу.

Ни одно из существ не осмелилось бы даже прикоснуться к змее и тем более перенести ее из одной пещеры в другую.

Я добрался до провала и вполз внутрь. При свете лавового потока я видел, что проход в скале ведет дальше. Он был не слишком широк – около девяти или десяти футов в том месте, где я находился.

Насколько я мог разглядеть, туннель шел под уклоном вверх.

Возможно ли, что дорога в скалах выведет меня из этих ужасных пещер? Я побежал вперед, со страхом ожидая, что очередной толчок обрушит на меня каменный свод.

Даже здесь шум был чудовищен. До меня доносились крики существ, еще остававшихся в живых.

Оскальзываясь и спотыкаясь, я бежал в темноте.

Видимо, проход расширился: я слышал, как по сторонам осыпаются камни, но ни один из них даже не докатился до меня; благодаря этим звукам я мог продвигаться, не натываясь на стены.

Задыхаясь, почти теряя сознание, я бежал.

Не знаю, долго ли продолжалось мое бегство, но наконец где-то вдалеке, высоко надо мною, забрезжил свет.

Туннель поднимался к световому пятну. Это придало мне сил, и я с новой надеждой в душе стал взбираться по крутому склону.

Мои ноги и руки, израненные многочисленными острыми камнями, кровоточили и сильно болели, но теперь я словно забыл о боли.

Проблеск света был путеводной звездой, направлявшей мои усталые, неверные шаги от ада к небесам.

Земля все еще сотрясалась; временами толчки были настолько сильны, что сбивали меня с ног.

Теперь, когда появилась возможность выбраться из пещеры, меня вдруг охватило чувство безнадежности: я обречен на смерть, и пусть свет совсем рядом, я никогда не сумею его достигнуть. Эти мысли стали для меня еще одной пыткой.

Сверху упал обломок скалы, задел мое левое плечо и поверг меня на землю. Удар едва не лишил меня

чувств, но я все же смог встать на ноги и продолжать путь.

Не отошел я и на двести ярдов, как земля содрогнулась в мощном толчке и сотни тонн земли рухнули со всех сторон на то место, где я только что стоял.

Каждый шаг приближал меня к свету.

Да! слава Богу! Я вижу небо!

Наконец я оказался на открытом воздухе; свежий райский ветерок овеивал мое лицо, перед глазами растянулось волнующееся море.

Собрав остаток сил, я протиснулся сквозь пролом, составлявший здесь не более четырех футов в диаметре.

Не успел я выбраться наружу, как земля задрожала, вздыбилась и снова осела – из пролома посыпались мелкие камни и пыль, раздался оглушительный шум обвала, подобный раскату грома.

Своды пролома рухнули. Шатаясь, я поднялся на ноги – попытался идти – все вокруг кружилось, земля словно встала вертикально. Я упал. Больше ничего я не помню.

Глава XII

Я очнулся и ощутил сонный покой.

Открыв глаза, я увидел, что лежу на кровати в небольшой комнатке. Меня разбудили голоса, раздававшиеся в соседней комнате. Из разговора я понял, что они обсуждают, как нашли на склоне Монте Эпомео неизвестного человека и, заметив, что он жив, принесли его сюда.

Внезапно я понял, что речь шла обо мне.

В комнату вошел какой-то человек; одежда выдавала в нем пастуха. Я спросил, где нахожусь.

– Лежите тихо, вам ничего не угрожает.

– Сколько времени я провел здесь?

– Три недели.

– Что со мной случилось?

– Воспаление мозга. Скоро придет доктор, а пока постарайтесь не разговаривать.

Доктор рассказал мне, что я едва спасся.

Меня нашли пастухи, принесли сюда, и много дней я то бредил, то лишался сознания; я все время бормотал что-то о погребении заживо, громадных змеях, фосфоресцирующих телах, бабуинах и пещерах.

Мне сказали, что пастушья хижина находится на противоположной от Казамиччиолы стороне горы Эпомео. Произошло сильное землетрясение; во всей Казамиччиоле остался стоять лишь один дом.

Погибли тысячи людей – точное число их еще не известно.

Доктор спросил, почему меня нашли одетым в пижаму. Я рассказал ему, как меня похоронили заживо; он улыбнулся и вышел из комнаты.

Вскоре он вернулся со стаканом. Я выпил содержимое и, почувствовав сонливость, погрузился в благовословенную дремоту.

Миновало около месяца с того дня, как я очнулся, прежде чем я смог распрощаться со своими добрыми сиделками.

Я отправился в Казамииччиолу.

В развалинах дома я нашел свой секретер. Конечно, все мои деньги исчезли, но в одном из ящичков я обнаружил свидетельство о своей смерти и погребении.

Видимо, камердинер не знал, куда его отослать, и решил просто положить документ в ящик.

Я нанял слугу и мы вместе принялись разыскивать склеп.

Но я имел очень слабое представление о том, где он находился; вдобавок, катастрофа снесла с лица земли многие строения, и мы ничего не нашли.

Думаю, он (слуга) считал меня безвредным умопомешанным.

Я написал своим банкирам, получил кое-какие деньги и щедро наградил своих добрых спасителей; вскоре после этого я покинул страну стольких неприятных воспоминаний.

Мне часто снится, что я вновь оказался в пещерах; я просыпаюсь, весь мокрый от пота, и с благодарной молитвой на устах понимаю, что то был всего только сон.

Рассказывать больше нечего. Я провел в пещере, должно быть, около двенадцати дней, с 15-го по 28-е или 29-е июля.

Я правдиво, не приукрашивая, изложил свое ужасное приключение; как я уже говорил в самом начале, мне совершенно безразлично, поверят мне или нет. Я пишу эти строки в Лондоне; через несколько дней я отправлюсь в Австралию. Я унаследовал от матери ча-

хотку, и врачи дают мне лишь несколько лет жизни. Я надеюсь по возможности провести их вдалеке от тех мест, где я познал такие страдания.

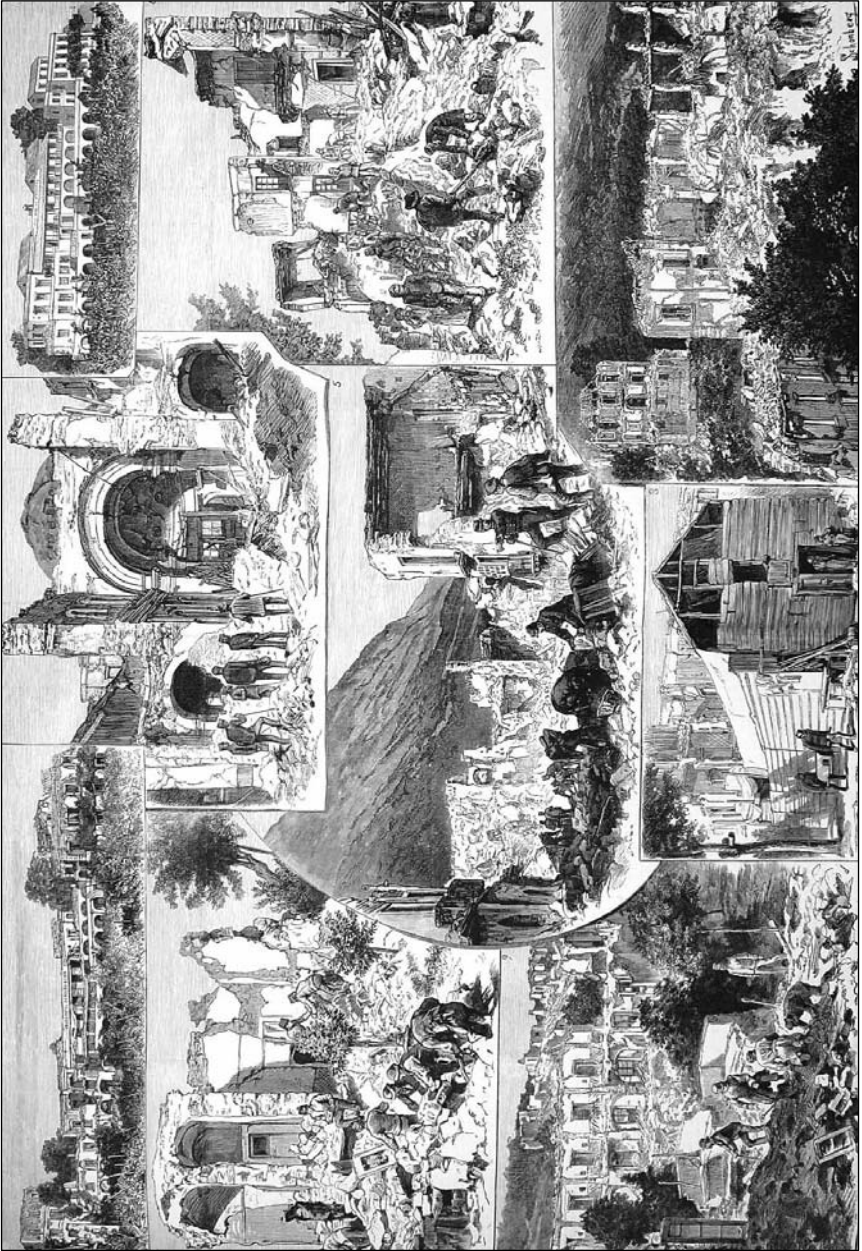
У меня есть только одно доказательство пережитого мною в пещерах – когда пастухи нашли меня, я сжимал в руке клоч длинных голубовато-белых волос.

Приложение

Недавние исследования доктора Дюбуа, связанные с жуками-щелкунами кукуйю (*Pyrophorus Noctilucus*), показывают, что свечение обусловлено химическим процессом и что органы свечения сохраняют присущие им свойства в течение некоторого времени, даже будучи отделены от тела; соприкосновение этих высушенных органов с водой вызывает химическую реакцию, и часть энергии высвобождается в виде света.

Сказанное выше может в некоторой степени прояснить постепенное исчезновение фосфоресценции после смерти белой женщины.

Примечания

«Фосфор» Джона Филмора Шерри успел завоевать почетное, хотя и полуофициальное звание «самой странной книги Австралии»; во всяком случае, так считают специалисты из Мельбурнского университета.

Сведений об авторе очень мало: известно, что Шерри родился в 1866 году в Коллингвуде, штат Виктория, и умер в 1894 году в Карлтон-Норт, не дожив и до тридцати лет. Возможно, чахотка, которой Шерри наградил своего героя – деталь автобиографическая.

«Фосфор», единственный роман Шерри, вышел в свет в Мельбурне в 1888 году и давно стал библиографической редкостью. Перевод выполнен по указанному изданию.

Роман и впрямь удивителен: в краткий, написанный нарочито простым и даже «стертым» языком текст молодому писателю удалось вложить чрезвычайно богатое содержание.

Здесь и модные для научной фантастики эпохи темы «полой Земли» и примитивного «затерянного мира», восходящие к Ж. Верну, и евгеника, и готические страхи в духе Э. По.

Нисхождение героя в подземное царство, страсть «белой женщины» и ее смерть от змеиного укуса обращают вспять традиционный сюжет «красавицы и чудовища» и обыгрывают древнегреческий миф об Орфее и Эвридике (погибшей, как мы помним, от змеиного укуса). Сам образ «белой царицы» напоминает о «Белой Богине» Р. Грейвза – чья книга вышла в свет 60 лет спустя – и современных неоязыческих культах «Богини».

Слова «Иския» и «июль 1883 года» мало что говорят нынешнему читателю, но в 1880-х гг. они звучали более чем актуально: 28 июля 1883 г. на острове Иския (Искья) произошло сильное землетрясение; погибли 2313 человек, городки Казамиччиола и Лакко-Амено были почти полностью разрушены. Известия об этом бедствии обошли всю мировую печать; на с. 87 представлен рисунок из «Illustrated London News» (18 авг. 1883).

М. Ф.

Оглавление

Предисловие	8
Глава I	10
Глава II	16
Глава III	22
Глава IV	27
Глава V	31
Глава VI	39
Глава VII	46
Глава VIII	54
Глава IX	62
Глава X	70
Глава XI	77
Глава XII	83
Приложение	86
П р и м е ч а н и я	88

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.